

ЕВОЛА

ВОССТАВШИЕ

ДАНИЛА КРИСТИНА
САН САНЬЧ ДОК
СОКОЛОВСКИЙ
ПАША ПУХ
НИКИТА МЕЛКИИ
ДАРЬЯ АНДРЕИ
РОМКА РЫЖИИ
ДИМКА ШАЛЬНОИ
ИГОРЬ МИХЕИ

Zing

ВИРУС, УНИЧТОЖИВШИЙ МИР.

Zima

ЕВОЛА. Восставшие

«Издательские решения»

Zima

EBOLA. Восставшие / Zima — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851619-1

90 дней человечество сражалось с новым штаммом Ebolavirus и... проиграло. Записи в дневнике девушки-студентки и суровые будни командира Зорина — вот и все, что мы знаем о новом мире. Выжившие забаррикадировались в Кремле. Красные стены укрывают их от вируса и зараженных, но внутри разгораются не меньшие страсти. И только в руках этих двоих положить конец распрям и спасти лагерь, чтобы день завтрашний не стал для человечества последним.

ISBN 978-5-44-851619-1

© Zima

© Издательские решения

Содержание

I часть. Конец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

EBOLA. Восставшие

Zima

© Zima, 2017

ISBN 978-5-4485-1619-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І часть. Конец

Я следующий.
Береги себя и брата.
Люблю вас.
ПАПА.

Кристина всегда думала, что подземка ее убьет. Теракт, неосторожное движение, обвал грунта – да мало ли что может случиться? Однако, вопреки ожиданиям, все вышло с точностью до наоборот. Билет в метро, оказался счастливым. Хотя... едва ли кто-то из пассажиров считал это везением. Каждый из них – кто-то раньше, кто-то чуть позже, сожалел, что остался жив.

«-1. Я указала эту цифру не потому что ошиблась, или хотела ввести кого-то в заблуждение. Нет. Это было бы слишком легко. Я указала несуществующую дату, потому что прежние величины потеряли какой бы то ни было смысл. В день, когда перестал существовать мир, время остановилось. У нас больше нет ни часов, ни дней, ни лет. Жизнь представляет собой одну единую линию, без точек отсчета, меток и координат. И даже если она внезапно оборвется, это мало кто заметит.

Забавно, раньше я любила зрелищные фильмы о катастрофах. Мир рушится, вокруг паника, все куда-то бегут, по пути грабят магазины, захватывают чужие машины, сражаются, умирают, и человеческая смерть с экрана кажется чем-то несерьезным – какая разница, одним больше одним меньше... Но знаете, что я поняла? Самое ужасно в таких фильмах не конец, а начало. Страшные истории всегда начинаются одинаково: обычный день или утро, детишки отправляются в школу, поют птички, а собака, провожая хозяев, виляет хвостом. Этакая идиллия, затишье перед бурей. И каждый раз, начиная просмотр такого фильма, я скептически морщилась, полагая, что так не бывает. Перед бурей ведь всегда можно понять, что надвигается буря. Не правда ли?»

14 мая

Новость застигла его на рыбалке. Хорошенько выспавшись после ночного рейса, Данила Зорин наконец-то выбрался к реке. Закинув удочку, он удобно расположился на раскладном кресле, приготовившись к нескольким часам спокойствия и безмятежности. Из леса доносилось мирное чириканье птиц и солнце медленно катилось к горизонту, отбрасывая красноватые блики на голубую поверхность озера.

Слева, ближе к лесу виднелись камышовые заросли. Вечерний ветерок лениво перебирал сухие стебли, тихонько их покачивая отчего воздух наполнялся едва слышимым шепотом. Поплавок, недолго покачавшись, неподвижно застыл на воде. Вторя окружающему пейзажу, он и не думал предвещать появление рыбы. А Дэн и не думал следить за ним. Мысли его унеслись далеко за пределы острова.

За спиной мужчины виднелся небольшой одноэтажный домик, с чердаком и уютным крыльцом, купленный совсем недавно. Это был его мир, тщательно закрытый и отгороженный ото всех. Личное неприкосновенное пространство.

Убаюканный шепотом ветра и предзакатным солнцем, Дэн прикрыл глаза. На красивом смуглом лице застыло выражение безмятежности. Несколько темно-русых прядей упало на лоб и подхватив, ветер тут же принялся играть с ними. За роскошную шевелюру ему попадало ни раз. Сначала преподаватели, затем инструктора в училище, сейчас время от времени журил командир. Но ничто не могло заставить его сменить волнистую гриву на короткий ежик. Возможно, все дело в упорстве, а возможно, запали в душу кинутые однажды слова матери. Как-то

по утру, собирая его в школу, она невзначай заметила, что с такой шевелюрой и золотистыми глазами, смотревшими всегда уверенно и прямо из-под широких бровей, он похож на льва. Сравнение ему очень понравилось, и с тех пор Данила не расставался с гривой, впрочем, взгляд тоже не изменился.

Как ни странно, но роскошной шевелюрой он был обязан отцу. Сибиряку, поступившему на службу в армию и сделавшему там блестящую карьеру. Гордый, импульсивный, с упрямым взглядом голубых глаз, он готовил сына в Суворовское. Но нравом Данила пошел в мать. Спокойный и упертый, точно бык, он настоял на своем и отправился учиться на летчика. После поступления отец не разговаривал с ним год, расценив поступок сына, как предательство. Но на второй год обучения как-то раз украдкой приехал на летное поле. Шло построение, и инструктор важно вышагивал вдоль курсантов. Данила стоял первым. Самый высокий и крепкий, как скала. Длинные мускулистые ноги переходили в крепкий торс. Сквозь тонкую ткань летного костюма отчетливо выступали мускулы. Надо признать, сын тогда произвел на него сильное впечатление. И наблюдая, как тот ловко забрался в кабину самолета, с каким благоговением положил руки на штурвал, отец смирился и успокоился.

Погруженный в свои мысли, Данила не сразу услышал звонок. Однако, нагло расплескивая спокойствия этого вечера, трезвон нарастал, пока наконец-то не пробил брешь в его сонном сознании. Оставив удочку на берегу, мужчина неохотно побрел к дому. Войдя, он вынужден был подождать пару секунд, пока глаза не привыкнут к темноте. На кухонном столе дисплеем вниз звонил и вибрировал телефон. Перевернув его, Дэн некоторое время размышлял, не будет ли проще скинуть звонок. Но что-то удержало его.

– Дэн, – как-то взволнованно начал Рыжий, чем сильно удивил собеседника. – Семьсот сорок седьмой упал. Вся команда Лактионова погибла. Из пассажиров тоже никто не выжил.

В ту же секунду безмятежный закат, березовая роща, блики воды – все исчезло. На глаза опустилась черная пелена кошмара.

– Постой, – изо всех сил прогоняя набежавшую тьму, пробормотал мужчина. – Какой рейс?

На том конце нетерпеливо вздохнули.

– Двадцать один сорок два из Шарм-эль-Шейха. Плановый.

Это был рейс авиакомпании, в которой оба работали уже более пяти лет. Данила вторым пилотом, а Ромка бортпроводником. Оба знали Лактионова, как одного из лучших пилотов. Такие не падали...

– Когда это случилось? – Глухим голосом спросил Дэн.

– Час назад.

– Точно разбился? Вероятность угона есть? – Все еще не в силах поверить, он цеплялся за малейшую возможность прогнать суровую правду.

– Да, точно, точно! – С каким-то отчаяньем воскликнул Рыжий. Он и до этого спокойствием не отличался, но сейчас его нервозность просто зашкаливала.

– Господи, – наконец-то поверив и приняв печальное известие, Дэн прикрыл ладонью глаза. Из трубки доносился гомон голосов, время от времени прерываемый мелодичным сигналом оповещения. Вне сомнений, Рыжий в аэропорту. – Что говорят диспетчеры?

– Диспетчеры... – Рыжий немного помедлил, словно сомневаясь, стоит ли об этом говорить, но все же решился, – Дэн, да чертовщина какая-то... говорят, почти сразу после взлета капитан доложил о ЧП на борту. Вроде бешенства среди пассажиров. Или нападения. А на сороковой минуте полета самолет просто исчез с радаров.

Дэн внимательно слушал коллегу. Обычно сообщали о неполадках в работе машины, о тяжелых погодных условиях, но о бешенстве... Все помнили случай с бортом Lufthansa, когда второй пилот умышленно отправил аэробус со ста пятьюдесятью пассажирами на тот свет. Но Боингом, совершавшим рейс Шарм-эль-Шейх – Москва управлял капитан Лактионов –

пилот с пятнадцатилетним стажем, в профессионализме и адекватности которого не было ни малейших сомнений!

Первым порывом Дэна было немедленно сорваться и мчать в аэропорт, в офис компании, на место катастрофы, не важно куда, главное быть ближе к событиям. Но он тут же одернул себя. Главного это не исправит. В таких случаях другим пилотам остается только горевать, отгоняя неизбежные мысли о том, что на месте погибшего экипажа, могла быть твоя команда.

Все еще пребывая в замешательстве, мужчина нажал отбой и перевел застывший взгляд на распахнутую дверь. Умиротворяющий пейзаж, восхищавший его минуту назад, теперь казался неуместным. Перед глазами возникали страшные картины авиакатастрофы. Правда заключалась в том, сколько бы не готовили пилотов к отказу обоих двигателей, возгоранию в салоне и прочим чрезвычайным ситуациям на борту, но реальность такова, что самолеты падают, а экипажи и их пассажиры разбиваются о землю.

Вздохнув, Данила Зорин провел ладонью по лицу и достал сумку. Не смотря на давно спланированный отдых, завтра нужно возвращаться в Москву.

15 мая

«Сегодня весь день провела в Институте. Внешне все вроде бы спокойно, но в воздухе отчетливо чувствуется нервозность. Студенты и преподаватели стараются ничем не выказать волнения, однако все на грани. Разговоры стихли. В институтских коридорах больше не обсуждают зачеты и коллоквиумы. Кажется, даже экзамены отошли на второй план.

На сдвоенных лекциях пропедевтики мне впервые стало неудобно, все казалось чужим и нелепым. Профессор Булатов рассказывал о заболеваниях кровеносной системы и все делали вид, что это всего лишь лекция, но понимали – тему преподаватель выбрал не случайно.

Моя подруга Анна не слушала. Уткнувшись в телефон, она читала новостную сводку. И судя по ее мрачному лицу, хороших новостей не было. Ребята на переднем ряду о чем-то ожесточенно спорили. Вскоре их громкий срывающийся на голос шепот услышал и преподаватель.

Он постукивал ручкой по столу, призывая к тишине. Но вдруг один из споривших не выдержал и встал. Кажется, его зовут Степан, он учится в соседней группе. Степан без предисловия задал один вопрос. Всего один, прямой до невозможности вопрос:

– Профессор, это правда, что говорят про Ebola virus?

Некоторое время преподаватель смотрел на студента, затем подавил тяжелейший вздох и ответил, что докторам стоит доверять фактам, а не слухам. После чего продолжил лекцию. Но все заметили, как при этом побледнело его лицо».

тот же день, чуть позже

«Вечером я вновь увидела это выражение. Едва сдерживаемая обеспокоенность блуждала по лицам родителей. Мой всегда спокойный и внимательный к малейшим деталям папа выглядел встревоженным и впервые в жизни не поставил портфель на комод.

Мне восемнадцать лет и сколько я себя помню, отец всегда по возвращению с работы совершал одни и те же действия. Сейчас глядя на забытый в коридоре портфель, я мучаюсь плохими предчувствиями».

16 мая

Май в Москве выдался жарким и душным. Стремительно расцвела черемуха, газоны пестрели алыми тюльпанами, в парках распустились ярко-желтые одуванчики. Природа тоже торопилась, но этого никто не замечал. Над городом черным полотном повисла тревога. Взоры всех жителей прикованы к экранам телевизоров.

«В вечернем выпуске новостей сказали то, о чем отец напряженно молчал прошлым вечером. В Африке обнаружен новый штамм вируса. Официально. Я смотрела на диктора пер-

вого канала и не могла поверить в реальность происходящего. Наверное, как и другие жители страны, я подозревала журналистов в преждевременности подобных заявлений, в жажде сенсаций, недобросовестности и прочих грехах. Но правда была намного чудовищнее.

В поисках ответов я подошла к отцу. Мои родители – доктора. Отец заведует инфекционным отделением в Боткинской больнице. Мама работает там же, но в кардиологии. Я студентка второго курса медицинского института. А потому мы слишком хорошо понимаем угрозу и ее последствия.

Отец отвел меня на кухню и, не смотря на то, что Кирилл с мамой находишь в дальней детской, плотно прикрыл дверь. Прежде чем заговорить, он посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом, а затем все же признался, на данный момент число зараженных возросло до тысячи. Первые тревожные новости начали поступать еще десять дней назад. Но до конца уверенности не было. Данные исходили от волонтеров, несших медицинскую службу на черном континенте. Официальные источники молчали. Можно лишь предполагать, сколько местные власти утаивали информацию об эпидемии. Очевидно, ситуация резко ухудшилась, раз они все же решили обратиться за помощью к ООН и Всемирной Организации Здравоохранения. Но самое тревожное заключалось в поведении вируса. Оно не укладывалось в характеристики ни одного известного штамма.

– Если верить отчетам, течение болезни происходит гораздо стремительнее, чем при обычном штамме, – признался отец и нахмурился. – Вирус ведет себя более агрессивно и количество жертв растет гораздо быстрее. Если так пойдет дальше, не исключено, что вскоре случаи заражения появятся в Москве. Поэтому... – он вновь скользнул беспокойным взглядом по закрытой двери, – будь осторожна.

17 мая утро

Грязная зона аэропорта осталась позади. Миновав служебный вход в «Домодедово», Дэн прошел пункт досмотра и поднялся на второй этаж. До вылета оставалось три часа, а значит, у него есть как минимум час, чтобы найти своих и переговорить. Жаль, что Рыжий отбыл в Лондон, вынужден был заменить заболевшего коллегу. А между тем, парень имел настоящий детективный талант. Едва в воздухе появлялось волнение, как Рыжий тут же настораживался, прислушивался и брал след. Как опытный следок, он не останавливался, пока не узнавал новость в мельчайших подробностях. Да... сейчас бы помощь друга ему очень пригодилась. Но делать нечего, придется самому. Первым делом Дэн заглянул в брифинг-центр и отыскал глазами капитана Тарасова – его нового боса.

– Здорово, Данила, – излишне громко приветствовал первый пилот и подал знак глазами не входить. Вместо этого мужчина поднялся сам и зашагала навстречу, – я вот что хотел спросить...

Дэн все понял без слов и ненавязчиво стал отступать назад. Скрывшись от глаз коллег, Тарасов быстро взял напарника под локоть и отвел в сторону.

– В общем ситуация такая, – с ходу начал он, – никаких вопросов про семьсот сорок седьмой не задавать. Делом занимается специальная комиссия, прокуратура, да еще кабинетчики набегали из министерств.

О том, что место крушения объявлено карантинной зоной, как и о том, что родственники погибших, скорее всего никогда не увидят тел, Данила уже знал. Но, черт возьми, что все-таки происходит?!

Пристально глядя в озадаченное лицо Дэна, капитан, догадался:

– Ты что новости не видел? – Затем словно что-то вспомнив, Тарасов снисходительно вздохнул. – Ясно, значит опять в отшельника играл. Данила, ну сколько можно? Учю тебя учю, – сетовал собеседник, – а все без толку! Заведи ты уже себе жену и детишек. Хватит бегать

в холостяках и вторых пилотах. Это ж первая истина в авиации. Пока пилота на земле никто не держит, к управлению воздушным судном он не допускается!

– Иван Петрович, – нетерпеливо выдохнул Данила. С девушками у него не складывалось и оба это прекрасно знали. Они вечно тянули к нему свои руки. Сильный, статный, он притягивал их, как причал корабли. Каждая видела за его плечами стабильность, тихую гавань семейного уюта и всеми силами старалась задержать непокорный взгляд карих глаз на себе. Да только сам Данила считал женщин слишком непредсказуемыми, чтобы брать их на борт. А потому давно и всерьез Данила решил быть один. – Оставим темные стороны моей биографии в покое. Лучше объясните, причем здесь крушение самолета и карантин?

Но вопрос так и повис в воздухе. Внезапно из брифинг центра донесся необычайный шум. Обычно в комнате, где пилоты готовились к предстоящим полетам, царили сосредоточенность и тишина. Но только не сейчас. Воздух так и вибрировал от криков. Поспешив обратно в комнату, мужчины заметили необычайное оживление. Один из пилотов пытался настроить висевший на стене телевизор, ему на помощь кинулись еще пара человек. Стало ясно, произошло нечто чрезвычайное. В воздухе словно вспышки звучали отдельные слова, фразы, которые предвещали только одно – катастрофу. Тарасов кинулся выяснять, что же все-таки произошло, но пилоты уже справились с телевизором, отыскав новостной канал.

Все замерли. На экране карта полетов из международного аэропорта Марракеш (Марокко). Диктор взволнованным голосом сообщает, что связь с экипажами воздушных судов, летевшими по направлению Рим, Рио-де-Жанейро и Дубай, пропала. Местоположение судов также не известно. Правительство страны просит помощи у мирового сообщества в организации поисково-спасательных мероприятий.

Никто в комнате не успел опомниться, как диктор побелевшими губами уже спешит сообщить новую горячую новость, не менее ужасающую и трагичную: «Только что нам поступило известие, гавань Стамбула протаранил круизный лайнер. На полном ходу судно врезалось в причал. Количество раненных и погибших уточняется...». Тут же на экран вывели кадры с места катастрофы. Над гаванью точно гигантский айсберг высится лайнер. Люди, здания, машины – все пространство вокруг лайнера за считанные секунды превращается в месиво. Но самое страшное происходит потом. С многочисленных палуб начинают сыпаться люди. В кадре множество окровавленных тел. В пыли, суматохе не понять, как и почему это происходит.

Все пилоты замерли в неподдельном ужасе. Съемки оказались настолько откровенными и страшными, что даже им, закаленным небесным волкам, готовым к любым критическим ситуациям, стало не по себе. Все взгляды неотрывно следят за происходящим на экране и на языке один и тот же вопрос – что происходит?

17 мая вечер

«Не смотря на жару, меня бьет озноб.

Сегодня в институте все говорили о крушении самолетов и круизного лайнера. Столько людей погибло! Мужчины, женщины, дети... Я не могу сдержать слез, думая о жертвах. Какой ужас и шок должно быть испытывали несчастные перед столкновением. Само осознание неизбежности, секунды до смерти, эти крики отчаяния... я ничего не могу с собой поделаться. Вновь и вновь я думаю о погибших.

Политики все еще обсуждают кризис, санкции и демократию. Разрабатывают новые законы, ведут переговоры, обмениваются условиями, посещают саммиты, словом продолжают самозабвенно играть в бисер, не понимая, что главная партия уже разыгрывается без них!».

18 мая

Рыжий прав. Иначе, как чертовщиной это не назовешь.

Среди пилотов нарастают панические настроения. Нас держат в полном неведении. Никто толком ничего не знает. Одни и те же слухи и домыслы ходят по кругу, обрастая небывальцами. А тем временем официальных данных как не было, так и нет. Представители авиакомпаний без конца выражают соболезнования родственникам погибших и прикрываются ничего не значащими фразами. И это страшно раздражает. Как выходить в рейсы, когда на душе неспокойно?

Весь полет до Дюссельдорфа они с Тарасовым почти не разговаривали. Каждый думал о своем. А когда за плечами осталось две тысячи километров, вместо заслуженного отдыха, оба направились в служебное кафе. Здесь, вдали от шума, любили коротать время между рейсами пилоты из разных стран.

Оказавшись внутри, Данила обвел взглядом кафе. Оббитые деревом стены, металлические остовы стульев и диванов, добротная барная стойка, пол из камня и дерева, приятный глазу чуть приглушенный свет и даже идеально расставленные в подставках салфетки – все здесь говорило о немецкой педантичности и любви к порядку.

Вместе с шефом они пересекли кафе, уселись на высокие стулья у бара и заказали по чашке кофе. Место было выбрано не случайно. Отсюда просматривался весь зал. Некоторое время ничего не происходило, но по опыту Дэн знал, бармены и официанты – самые осведомленные люди. Отказавшись от внушительной сдачи и тем самым сильно удивив бармена, мужчина негромко спросил по-английски:

– Что слышно об упавших самолетах?

Сдобренный щедрыми чаевыми, бармен выдал все, что слышал от пилотов.

Несколько человек, сидевших неподалеку, тоже внимательно прислушивались. Не прошло и минуты, как они тоже подключились к разговору. Говорили многое, но к сожалению, никто не мог похвастаться хоть сколько-нибудь правдивой информацией. Домыслы, сплетни, слухи, вот, пожалуй, и все.

Справа от барной стойки сидел немолодой черноволосый мужчина. На его, покрытом густым загаром лице, не было ни малейшего намека на интерес к разговору. Все это время он молчал. Лишь меланхолично жевал свой сэндвич, иногда запивая его свежим апельсиновым соком. Он просто слушал и в конечном итоге понял, что все эти люди просто боятся. Их страшит не участь погибших пилотов, не особая атмосфера секретности вокруг недавних трагедий. Больше всего их пугает неизвестность. Когда не знаешь опасность в лицо, не понимаешь, как с ней справиться, значит велик риск камнем рухнуть вниз. В сущности, у всех пилотов была только одна попытка. Первая и она же последняя. В их профессии второй заход на посадку выпадает крайне редко. Почувствовав солидарность с коллегами, мужчина понял, что не имеет права молчать.

– Я пилот Air France, – раздался его приглушенный чуть хриловатый голос. – Два из упавших самолета, принадлежали нашей авиакомпании. И никакой мистики в этом нет. Всему виной вирус, – так же продолжая упорно смотреть прямо перед собой, он закончил, – **единственное**, что вы можете сделать в такой ситуации, забаррикадироваться в кабине и постараться посадить самолет в безлюдном месте.

Все в изумлении уставились на мужчину. Но почти сразу тот встал, расплатился по счету и, больше не проронив ни слова, вышел. Тем самолетом, что упал, не долетая до Рима, управлял его родной брат. Но об этом он говорить не стал. Горечь утраты до сих пор не отпускала.

19 мая

«СМИ нестрит сообщениями о приступах бешенствах. На месте катастроф найдены черные ящички. Записи, извлеченные из них, почти один в один повторяют друг друга. Сначала капитаны докладывают о драках, волнениях в самолетах, а потом пропадают. Эксперты сходятся во мнении, что последние авиакатастрофы связаны с эпидемией.

Отец сказал, что если не будет закрыто воздушное сообщение со всем африканским континентом, это закончится пандемией для всего оставшегося мира.

После разговора с родителями я закрылась в своей комнате. Мне хочется побыть одной. Трудно поверить, что над твоими родными, друзьями, над привычным миром нависла смертельная опасность. Как это произошло? Когда? В поисках ответов я углубилась в Интернет».

Изучение новостных сайтов и отчетов ВОЗ помогли восстановить хронологию событий. Первые тревожные вести прилетели еще весной с Гвинеи. Это небольшое государство в Западной Африке. На сайте, где опубликована новость, размещались фотографии. Бедные деревеньки, босоногие детишки, играющие на земле, грязь. Изображения в комментариях не нуждались: это было идеальное место для развития инфекций и вирусов.

Именно в Гвинеи от загадочной болезни умер двухлетний малыш или «нулевой» пациент, как доктора называют первую жертву эпидемии. Несчастный ребенок стал точкой отсчета, началом пандемии. Малыш «сгорел» за сутки. В ту же ночь скончалась его трехлетняя сестренка, мать умерла в течение нескольких часов после детей.

В статье говорилось, что его семья жила в небольшой деревне, находящейся на границе с Либерией и Сьерра-Леоне. В тех краях принято провожать безвременно ушедших всей деревней. Поэтому нет ничего удивительного, что в похоронных церемониях приняли участие все соседи, предоставляя вирусу прекрасную возможность атаковать. На следующий день несколько человек почувствовали себя плохо. Оставаясь дома, они заражали свои семьи, детей, друзей, порождая новых носителей вируса. А неподалеку от деревни проходили воскресные базары, куда стекались тысячи местных жителей со всей округи. А потом они возвращались в свои города и дома. О том, что случилось дальше догадаться нетрудно.

Это произошло примерно месяц назад. Мир легкомысленно проигнорировал первые звонки, приняв монстра за обычную инфекцию.

20 мая

Бездействие местных властей лишь помогли Эбола. Стремительно и жутко, минуя границы и расстояния, вирус просачивался вглубь континента. Ангола, Конго, Кения, затем Египет, Марокко – вскоре вся Африка оказалась в плену монстра. Слишком много драгоценного времени было потеряно зря. Сотни людей стремительно умирали от странной болезни, истекая кровью. Но вместо того, чтобы исследовать обезображенные трупы, их старались быстрее похоронить и часто места погребения располагались у рек, где подземные воды беспрепятственно разносили вирус на многие-многие километры вперед. Люди перемещались из деревни в деревню, из города в город, а самолеты по-прежнему летали, реки текли, а воды соединялись, перемешивались, разнося вирус по всему миру.

«Сейчас два часа ночи. Я закончила читать час назад, но все это время не могла взять себя в руки. Теперь мне известно, как Ebola virus пробрался на самолеты, корабли и поезда. И самое страшное еще впереди. Отец прав. Течение болезни иное. Теперь вирус действует более агрессивно, уничтожая человека за считанные часы. Первые симптомы наступают спустя час после заражения – обильное кровотечение, язвенная сыпь по всему телу. Следующие часы вирион полностью захватывает и уничтожает носителя. Самым крепким едва удастся продержаться сутки.

Изменилось и поведение жертв. Если раньше зараженные обессиливали от кровопотери и обезвоживания, то сейчас их действия сродни диким животным. Выходит, новый штамм Эбола поражает мозг, стирая границы человеческого, и оставляя умирающим лишь самые

примитивные инстинкты. Отец говорит, что вирус мутировал, но почему и главное, как это произошло, никому до сих пор не известно.

Если верить датам, лихорадке Эбола потребовался всего 1 месяц, чтобы захватить целый континент и вырваться за его пределы. А теперь главный вопрос – за какое время вирус сможет захватить всю Землю?»

22 мая

Вылет из Адлера постоянно переносился. Сначала на час, затем еще на час. Теперь вот объявили – следите за информацией. Измученные жарой и ожиданием члены экипажа расположились в служебной зоне Сочинского аэропорта. Иван Петрович, окинув в сторону галстук, сидел в кресле и нервно барабанил пальцами по подлокотнику. Одна бортпроводница после неудачных попыток сосредоточиться на статье, вяло обмахивалась газетой, устремив сонный взгляд на внутренний двор аэропорта. Трое остальных пытались дремать. Впрочем, тоже без особого успеха.

А разрешение на вылет все не давали.

С тех пор, как прошли Олимпийские игры, пассажиропоток в Сочи и без того был высокий, но самый кошмар начинался в летний сезон. Тысячи счастливых семей отправлялись в летние отпуска, не подозревая, что команда самолета на грани переутомления, а пилот большую часть полета спит, потому как уже не помогает ни десятая чашка кофе, ни таблетки. Едва приземляешься, как диспетчер сообщает о новом рейсе. Мало того, что на грани, так еще эти досадные задержки. Вследствие чего, к хронической усталости примешивается сильнейшее раздражение.

Ситуация осложнялась тем, что никто ничего не мог толком объяснить. Зимой понятно, трасса тяжелая, нужно чистить ото льда и снега. Самолеты нуждаются в более тщательной обработке. Да и метеоусловия часто подводят. Но сейчас май. Небо чистое, ни облачка. Взлетные полосы пусты. Так в чем же дело?

Спустя три часа ожидания в комнату заглянула дежурная.

– Экипаж сто двадцать третьего, пройдите на медосмотр.

– Так были уже, – взорвался Тарасов. – Сколько можно откладывать рейс? Ладно мы – люди привыкшие. Пассажиров-то зачем мучить? Они же с детьми, чемоданами... персиками, в конце концов!

Не смотря на усталость, Данила не смог сдержать улыбки. В любой критичной ситуации, капитан Тарасов прежде всего думал о пассажирах за своей спиной. При любой заминке на взлете, турбулентности и грозových облаках, при любой шероховатости в пилотировании, все его мысли были заняты людьми на борту самолета. Все знали, только на рейсах Тарасова бортпроводник должен докладывать, о самочувствии пассажиров. А вот дежурная не знала и на резкое замечание пилота ответила противным брюзжащим голосом:

– Это не мое дело следить за пассажирами. Мое дело отвести вас в медпункт!

В медицинском кабинете пахло кварцем. За три последних часа здесь многое изменилось. Дежурного доктора сменил мужчина в защитном костюме. Сам осмотр также длился дольше обычного и включал анализ крови, чего раньше никогда не случалось. На все вопросы экипажа незнакомец сухо отвечал «распоряжение руководства».

Спустя пятьдесят три минуты Дэн сидел в кресле второго пилота и готовился к полету. Тарасов казалось чем-то сильно озадачен. Но тревожить его расспросами Дэн не решился. Запустили двигатели. Ну, с Богом! Шасси покатали по горячему асфальту и вскоре оторвались от земли. Самолет набирал высоту. Через двадцать минут отметка в десять тысяч двести метров была достигнута, и машина пошла ровно. Можно было чуть расслабиться. Но взглянув на хмурое лицо шефа, Данила осекся.

Только когда половина пути осталась позади, Тарасов отвел в сторону микрофон и приглушенно сказал:

– Вот что, Данила. Прилетаем в Москву и оба берем больничные. Перед вылетом, мне все-таки удалось перекинуться парой слов с докторицей. Так вот, дружок, перед нами два международных экипажа сняли с рейсов и отправили в лазарет. Похоже, вирус-то не выдумка телевизионщиков. Он на самом деле есть! – Широкий лоб прорезали глубокие морщины. Вновь отвернувшись к приборной панели, он проверил показатели датчиков и как бы невзначай закончил. – Поэтому пока зараза гуляет по миру, советую отсидеться дома.

Но Дэну так и не удалось переварить новость. Внезапно на экране локатора нарисовался фронт. Запросив информацию у диспетчера, вскоре экипаж получил подтверждение – впереди гроза.

– На какой высоте фронт?

– На одиннадцати тысячах.

– Надо подниматься, – решительно заявил Тарасов, – запрашивай у диспетчера.

Дали добро на одиннадцать тысяч пятьсот. Если верить метеосводке и приборам айсберги грозовых облаков висели в аккурат на этой высоте. А значит можно обойти.

Капитан кинул быстрый взгляд на Данилу. Напарник с пониманием кивнул и взял управление на себя. Только они двое знали, с непогодой лучше справляется Дэн. Провести машину сквозь опасные ущелья туч – настоящее искусство, которое казалось у него в крови.

Перехватив управление, мужчина уверенно положил руки на штурвал. Тарасов тем временем включил связь с салоном, предупредив пассажиров о возможной турбулентности. На табло мгновенно загорелась команда «пристегнуть ремни».

Данила следит за приборами. Машина медленно поползет вверх. Автопилот набирает высоту. Идет медленно, жара. Позже, когда за бортом станет холоднее, пойдет быстрее. Одиннадцать чetyреста. Чуть потряхивает. Теперь уже и без локатора впереди видна глухая стена туч.

Дождь, то мелко трусит по стеклу, то поливает отборным ливнем. Данила старательно высматривает коридор, чтобы изворачиваясь среди гроз и столбов ливня не угодить в грозовую развилку. Капитан советуется с диспетчерской, прошупывает локатором небо в поисках дырок, в которые можно прошмыгнуть. Дырки есть, но они все время перемещаются и надо предугадать, и выбрать путь с учетом перемещения.

У бокового ветра своя игра – старательно уводит самолет от курса. Приходится идти с креном. Интересно, что сейчас думают пассажиры, какими словами ругают нерадивых пилотов, устроивших крутые виражи? Их нервы и желудки проходят нешуточное испытание.

Скорость пятьсот километров в час, капитан кидает быстрое «молодец!» и помогает увести самолет влево, чтобы не зацепить багровую тучу, еще немножко, крен двадцать. В стекло резко ударяет ливневый дождь, оба вздрагивают, но глаза устремлены на приборы. Тут открывается просвет, а через него дорога на запад. Отлично берем курс в тот коридор, согласуйте с диспетчерской.

Ну слава Богу, кажется, проползли. Правда, с большим креном на восток, нужно возвращаться. Взгляд Дэна переходит от панели приборов к окну. Понятно, дали бы разрешение на одиннадцать семьсот, удалось бы проскочить сверху. А так пришлось повертеться. Но это не конец.

Едва вписавшись, заняли коридор. Справа снова полыхнуло. Крылом чуть не задела багровое от разрядов облако. В наушниках треск и снова синие грозовые чертики на стеклах.

Небольшая передышка. Одну за другой капитан раздает команды. За стеклом с молчаливой угрозой вспыхивают молнии, озаряя кабину мертвенно-голубым светом. Самолет идет между гигантских глыб облаков, как по великому каньону. Впереди еще один фронт, низкая облачность заканчивается, пора набирать высоту.

Но Дэн не жалуется. Трудности его не страшат и, потом, он отлично понимает, каково сейчас бортам, идущим снизу на высоте в десять километров, в самой куще гроз. Вот их трясет, будь здоров.

Впереди сквозь размытую кромку облаков показался просвет. Указав на него шефу и получив одобрение, Дэн плавно повел машину между двух грозowych бастиионов. Только бы не зацепить! По своему опыту он знал, стихию нельзя победить, ее можно обойти, обхитрить, но бороться с ней бесполезно. Потребовалось пять минут, чтобы миновать опасную зону. Но расслабляться некогда. Впереди небо режут развилки молний. Локатор рисует новые фронты.

– Алексей Петрович, лучше бы подняться на двести метров выше. Тогда бы строго прошли над фронтом.

Тарасов кинул внимательный взгляд на приборы. Ему потребовалось пара секунд, чтобы оценить ситуацию и принять решение.

– Борт сто двадцать три. Разрешите занять одиннадцать тысяч семьсот метров? – Спросил Тарасов в микрофон, впрочем, не особо надеясь на быстрый ответ. В эфире стоял гвалт. Экипажи сыпали сообщениями, диспетчера едва справлялись. Мужчина представил, как должно быть сейчас тяжело приходится центру управления.

– Минуту... – Диспетчер уточняет, нет ли вблизи встречного. – Сто двадцать третий, набирайте одиннадцать тысяч семьсот.

Дали добро. **Давай!**

И хотя кондиционер работал на полную, казалось в кабине царил духота. Стараясь откинуть все внешнее, Данила полностью сосредоточился на управлении. Мягко, но уверенно он повел штурвал на себя, неотрывно следя за панелью приборов. Главное не задирать. Спокойнее. Плавнее. Нужно набирать высоту красиво. Машина медленно ползет вверх, ей вторят цифры на приборах, оставляя развилки гроз где-то внизу, вне зоны полета.

Тарасов рядом. Ведет машину взглядом. Ни один мускул не дрогнул на его лице, даже когда попали в небольшую турбулентность. Они летали вместе два года и за это время успели неплохо друг друга изучить.

Когда первая опасность миновала, и мрачные бастиионы из серых облаков и гроз были позади, Дэн смог немного расслабиться. Ладони вспотели. По спине струился пот, но это мелочи по сравнению с внутренним удовлетворением от своей работы. Грозу обошли красиво. Не придерешься.

Стюардесса принесла ужин, но из-за стресса есть не хотелось. Выпили по кофе и вновь к приборам.

Метеослужба предупредила о грозах над Москвой. Известно, фронт на высоте – мелочи по сравнению с непогодой над аэродромом. Здесь над облаками можно обойти, но при снижении самолета все сложнее: либо искать брешь, либо заходить на второй круг. Лезть на рожон, все равно, что планировать самоубийство.

– Как думаешь, рассосется? – Почесав затылок, спросил Тарасов. Но было видно, его обуревают сомнения.

Данила внимательно следил за локатором. Картинка менялась, даря призрачную надежду на хороший исход.

Ровно в двадцать один час сорок минут приступили к снижению. Центр тяжести сместился, выгибая позвоночник вперед. Тарасов так и не сел за штурвал. Вымотанный задержками и грозами, мужчина рассудил, что будет лучше доверить посадку более молодому напарнику.

Данила готовился к посадке. Внизу серая непроглядная вата. Впереди стеной хлещет дождь. По стеклу потоками струится вода. Воздух вокруг самолета сильно наэлектризован, того и гляди, вспыхнут искры. Он вытер мокрый лоб, ни на секунду не отводя напряженного

взгляда от пустоты, разверзнувшейся впереди. Пора выпускать шасси. Началось быстрое снижение. Вот момент истины! Закрылки выпущены, и машина стремительно прорывает завесу дождя, оставляя клочки ваты позади. Отлично! В лицо мягко светят спасительные огни маячков. Приветливо и дружелюбно, как глаза матери, заждавшейся сына. По стеклу все еще хлещет дождь, но через секунду из тумана выныривают две ласковые руки – разметка посадочной полосы, готовые принять в свои уютные объятия. Еще ниже, еще. Лишь бы не плюхнуться. Прикоснуться к асфальту мягко, как к волосам матери. Его руки слились со штурвалом и весь он стал самолетом. Единым движением они скользили вниз, чувствуя, как обтекает тело, ощущая ледяные струйки дождевой воды. Прямое в полете, теперь оно плавно группируется, чтобы медленно опустить ноги на землю. Секунда и шасси уже бегут по размеченной полосе. Тарасов рядом. Ухмыляется. Значит, все хорошо. Но Данила не спешит, ему нужно время, чтобы вновь стать самим собой.

Позже, распрощавшись с экипажем, Зорин сел в аэроэкспресс. Напряжение не отпускало. По венам продолжал циркулировать сгусток энергии, а не кровь. И дело не только в сложном полете. В грозу они летали и раньше. А вот известие, что вирус пробрался на родную землю, заставило его сильно понервничать. Адлер всего в двух с половиной часах лета от Москвы. Что если среди тех ста пятидесяти пассажиров, приземлившихся сейчас в Домодедово были зараженные? Что если утром перед медосмотром, зараженный член экипажа чихнул в присутствии сотен людей?

Ведь если разобраться, аэропорты – идеальная мишень для вирусной атаки. Тысячи людей ежесекундно контактируют, дышат, кашляют, чихают, а затем списывая температуру на простуду от кондиционеров, разлетаются в разные части света. От подобных мыслей Даниле Зорину стало не по себе. Пожалуй, действительно стоит взять больничный.

23 мая

В прессу просочились первые тревожные вести о том, что вирус добрался до Европы, в Америке умерла медсестра, в Лондоне снят с рейса пилот, в Москве изолирована группа туристов... но так продолжалось недолго. Буквально за одну неделю СМИ захлестнули сообщения о новых случаях заражения. Австралия, Бразилия, Канада, Швейцария... следом за ними на карте смерти появилась Испания, США, Франция, Россия, Индия. И сколько бы Китай не выставлял кордонов, укрепляя знаменитую стену, Эбола прорвался и туда.

Сообщения о новых очагах заражения нарастали и лавиной обрушивались с экранов, вызывая ужас и страх. В этот раз человечество наконец-то осознало, что Эбола не случайный гость, нет, он угроза всему человечеству. За две недели Земной шар был сплошь усеян красными метками лихорадки. Смерть не обошла ни один континент, ни одну страну.

Диктор дневных новостей сообщил о создании международной комиссии по борьбе с лихорадкой Эбола. Ученые вирусологи со всего мира съехались в Стокгольм, чтобы совместными усилиями разработать сыворотку против вируса.

В последовавшие дни внимание всех жителей планеты было приковано к происходящему в Стокгольме. Лучшие умы человечества исследовали биологический механизм нового штамма. Но вскоре стало ясно, ученым потребуется гораздо больше времени, чтобы найти ключ к неизвестной мутации. Вопрос состоял в другом – есть ли это время у людей?

26 мая

«Это был сложный, во многом противоречивый день. Занятия в институте отменены. Экзамены перенесены на неопределенный срок. Среди студентов набирали добровольцев. За последние сутки московские больницы оказались переполнены. Новости о лихорадке Эбола посеяли панику и за медицинской помощью обратились тысячи людей. Но самое страшное,

что среди паникеров, принявших ложные симптомы за истинные, выявили несколько истинно зараженных. Отец оказался прав, вирус добрался до Москвы.

Степан с друзьями были первыми в рядах добровольцев. Их примеру последовало большинство студентов-медиков. Но были и такие, кто отказался, не желая подвергать себя лишнему риску. Сокурсники смотрели на них почти презрительно.

Не зная, как поступить, я позвонила отцу, и он велел нам с Анной ехать к нему. Разумеется, он не мог допустить, чтобы нас направили куда-то кроме Боткинской».

29 мая

Вот уже неделю, как Данила жил на острове. Сменив костюм пилота на резиновые сапоги и спортивную одежду, он наконец-то занялся обустройством хозяйства. Остров представлял собой клочок земли, в диаметре не превышающий двух километров. Со всех сторон он был окружен водой. Все постройки находились в южной части, основную территорию острова занимал лес. Это было идеальное место, чтобы схорониться и переждать любые катаклизмы – погодные, политические, личные.

В свои двадцать семь лет Данила Зорин, второй пилот крупнейшей авиакомпании по настоящему любил свою работу. Но, как и любому пилоту, вынужденному много времени проводить в суеде аэропортов и напряжении, иногда ему хотелось уйти подальше от всех людей и побыть наедине с самим собой.

Этот дом он купил прошлым летом и, как все хорошее происходящее в его жизни, это вышло совершенно случайно. Во время рыбалки, в поисках новых клевых мест, лодка вынесла его к острову. Обследовав территорию и обнаружив здесь заброшенный дом и вместительный сарай с ящиком ржавых гвоздей, Дэн понял, что нашел убежище, о котором давно мечтал. С этого момента, он при любой возможности стремился попасть в тишь и уединение острова. Здесь не было ни радио, ни телевидения, только мобильный для экстренных случаев.

Правда, отправляясь на остров в этот раз, Данила изменил давнему принципу и прихватил с собой радио. Установив его на веранде так, чтобы голос диктора был слышен из любой точки острова. Мужчина мог отдыхать, рыбачить, заниматься делами и при этом оставаться в курсе происходящий в мире событий.

30 мая

«Прошел первый день нашей добровольческой службы. Отец запретил нам с подругой даже близко подходить к палатам с зараженными. К ним допускались только доктора в специальной защитной одежде.

Весь медицинский персонал обязали ходить в респираторных масках. Учитывая установленную жару, это весьма неудобно. Но выбирать не приходится. Вирус передается через слизистые, поэтому меры предосторожности вполне оправданы.

В больнице я узнала много такого, о чем не рассказывал отец. Так выяснилось, первый пациент поступил еще неделю назад. С тех пор почти все изолированные больничные боксы были заняты. А это на секундочку двадцать боксов на четыре человека, итого семьдесят пациентов. И больные продолжают поступать. Старшая санитарка сказала, что зараженным сразу вводят успокоительное. Это стали делать после того, как один из пациентов напал на медсестру, и она тоже заразилась.

Также я случайно узнала, что отец вместе с коллегами ведут собственную работу над сывороткой. Они решили никого не ждать, собрали лучших вирусологов Москвы и устроили своего рода лабораторию. Насколько мне известно, доктора день и ночь, сменяя друг друга, занимаются изучением нового вириона. Одна команда старается понять механизм мутации и ее действия на человеческий организм. Другая же найти способ извлечь антигены, чтобы затем получить антитела к Эбола.

Горжусь своим отцом».

3 июня

К острову, образованному в русле местной реки, другого доступа кроме как по воде не было. Но об этом Дэн позаботился заранее, купив небольшую моторную лодку. Заведя мотор, мужчина пересек озеро, узкий перешеек и высадился на берегу ближайшей деревни. Так и не дойдя до местного сельпо, он встал как вкопанный. Большинство местных жителей собрались у крыльца самого большого в деревне дома. Его хозяин выставил на веранду огромный телевизор и взгляд всех собравшихся были устремлены на экран. В этот момент шла он-лайн трансляция с разных точек мира. Все крупные города были охвачены эпидемией, люди бежали по улицам, шоссе, стремясь как можно быстрее покинуть мегаполисы и спастись от Эбола. Истерия нарастала. Все телеканалы твердили только об одном – новые очаги заражения, количество погибших, меры предосторожности...

Картинка сменилась, на экране возник Центр Эпидемиологии Стокгольма. Пресс-секретарь международной комиссии, запинаясь и без конца поправляя очки, что-то лепетал про вакцину, антитела. Некоторое время Дэн пристально разглядывал этого престарелого хмыря, которому попросту нечего сообщить миру, а затем медленно попятился назад.

Добравшись до магазина, он сгреб все, что было на полках и складе. На недоуменный взгляд продавца, Данила пояснил, что все это необходимо для проживания на острове. Смекнув, что перед ним **тот самый** ненормальный москвич, отшельником поселившийся неподалеку, продавец начал предлагать все подряд. Данила не торгуясь, скупил все.

Для транспортировки покупок пришлось сделать несколько ходок. Через 2 часа погреб был полон под завязку. Набив кухонные шкафы и чердак продовольствием, Дэн решил, что, пожалуй, на ближайшие 5 лет, голод ему не страшен. Далее наступил черед инструментов. В том же магазине, помимо продуктов, Данила скупил все гвозди, проволоку, опустошил строительные и хозяйственные прилавки. Отвертки, молотки, плоскогубцы, пила, ручная дрель и три топора также пополнили коллекцию. Что касается оружия, то этого в доме было предостаточно.

Закончив с запасами, мужчина приступил к строительству забора. Наконец-то руки дошли до столбов и бетонной смеси, томившихся на острове с прошлой осени. До позднего вечера он выкапывал ямы. Дело шло медленнее, чем он предполагал и к тому моменту, как солнце скрылось за горизонтом, он успел обойти только половину острова. Наконец-то распрямив спину, мужчина обвел взглядом свои владения, испытывая жгучую смесь боли и восторга. Руки были стерты в кровь, спина болела, каждая мышца его тела ныла и стонала. Но удовлетворение от укрепления своего жилища с лихвой окупало физические страдания.

Окунувшись в озере, Дэн зашел в дом и включил радио.

7 июня

«Сегодня привезли трехлетнего малыша. Я дежурила в неотложке, а потому была первой, кто его увидел. Сначала у мальчика началась кровавая рвота. Затем пошла кровь из ушей, глаз, носа, начала лопаться кожа. Все происходило настолько стремительно, что его едва успели переместить в специальный бокс. Но, не смотря на все усилия, спустя час малыш скончался.

Отец сказал, что это первый случай столь стремительного течения лихорадки.

Мать умершего малыша скончалась к вечеру.

Укушенная медсестра тоже сегодня умерла, как и пациент, заразивший ее. На их место тут же поступили новые зараженные...

Хочется верить, что стокгольмская комиссия уже на пороге ответов. Только бы успеть!

Не могу, умерший мальши до сих пор стоит перед глазами. У него были светлые волосы и ямочки на щеках. Я все еще вижу испуганное детское личико. Он даже не понял, что произошло. Едва начавшись, его жизнь так стремительно оборвалась...»

16 июня

«Прости, что давно не писала. Даже не знаю, с чего начать. Столько всего произошло... Начну с главного. Количество жертв чудовищно. В первые дни поступало два-три зараженных. Поначалу их изолировали в специальные палаты. У дверей больниц дежурили журналисты в поисках новых страшных кадров и подробностей, которые бы смогли напугать зрителей еще больше. Все это поначалу казалось очень захватывающим и мы, студенты, чувствовали себя героями блок-бастера. Этаким асiоп – будущие доктора, рискуя жизнями, под объективами камер сражаются с лихорадкой... В другой ситуации я бы рассмеялась над нашей глупостью, но только не теперь... Кажется с тех пор прошло полжизни. Эйфория уступила место ужасу. Количество зараженных в Москве – два миллиона, в России – сорок, данные по миру разнятся от 600 миллионов до миллиарда.

Из магазинов исчезли все продукты и средства первой необходимости – свечи, спички, соль, мука, крупы, консервы, оружие... не обошлось и без мародерства.

Но первыми опустели аптеки. Сначала люди выстраивались в очередь за медицинскими масками, антисептическими и противовирусными препаратами. Дайте что-нибудь против Эбола! – требовали покупатели. Проблема была в том, что ничего против Эбола в аптеках не было. Вскоре с прилавков исчезли все лекарства. Даже обычные бинты и зеленка стали дефицитом. Наивные, люди думали, что смогут оградиться от вируса зеленкой!

В Москве введен комендантский час. Повсюду военные с автоматами. Теперь они главные. После восьми вечера покидать свои дома запрещено. Офисы, школы, детские сады, институты закрыты. На улицах почти нет машин. Только пожарные, полиция и скорая помощь.

Мэрия распорядилась переоборудовать под лазареты Лужники и Олимпийский. Теперь тысячи больных лежат на стадионах, выстраиваясь в бесконечные шеренги. Их воспаленные, обезвоженные тела напоминают кровоточащие язвы. Многие умирают, так и не дождавшись помощи. Больных уже никто не лечит, а мертвых едва успевают убрать. И самое ужасное, доктора тоже умирают. Распластанные на соседних койках с бывшими пациентами они мучаются от внезапных кровотечений, обезвоживания и душающего кашля. И в конечном итоге все умирают страшной мучительной смертью. А потом их сжигают. Городские крематории работают день и ночь, пытаются уничтожить все трупы. Но они явно не справляются. Грузовики ежечасно подвозят новых жертв эпидемии и сваливают их у дверей. Женщины, дети, старики, мужчины – все в одной куче... как в старых хрониках про нацистские лагеря.

Сегодня днем, вне себя от суточного дежурства и усталости, я поднялась на трибуну и взглянула на происходящее сверху. Боже! Я никогда не забуду увиденное. Тысячи обреченных людей, металась в агонии от боли и страха, они двигались, стонали, кричали... они рыдали кровавыми слезами, моля о смерти. Их покрытые набухшими язвами тела корчились от боли и кровотечений, изрыгая свои же внутренности. Словно кто-то медленно скручивал их, наблюдая, как сочится потемневшая кровь, и все, что до этого было органами, до последней капли вытекает на бетонный пол. Это продолжалось до тех пор, пока люди, изуродованные, вывернутые наизнанку, не превращались в бездыханное отребье... В этот момент я поняла, если и ад существует – он выглядит именно так.

Мне хотелось кинуться прочь из этого кошмара. Убежать, скрыться и больше никогда не видеть кровавой рвоты, гнойных язв и трупов. Не знаю, как удержалась...».

21 июня

«Сегодня умерла Анна. Она была моей лучшей подругой... ее укусил зараженный... так больно, что не могу даже писать об этом...»

Далее неразборчиво.

Профессор был прав. Глупые студенты, мы не понимали, навстречу чему рвемся. Мы шли добровольцами, грезя самоотверженностью и спасенными человеческими жизнями, не подозревая, что тем самым подписываем себе смертный приговор. На эту минуту большинство моих друзей мертвы. Второй год обучения на медицинском факультете оказался для них последним. Я не знаю, как бы поступил Степан, его друзья, согласилась ли пойти добровольцем Анна, знай наперед, чем все обернется.

.....

Мне так страшно. Смерть повсюду. В больнице, за окнами, на лестничной площадке. Количество жертв чудовищно. И оно продолжает расти.

Я поставила себе укол фенobarбитала. Проклятые слезы. Никак не могу остановиться, все время думаю о подруге».

30 июня

«Лазареты заблокировали. Просто забили все двери и окна гвоздями, оставив зараженных умирать внутри. Больше не имеет смысла делать вид, будто их лечат. Спасения нет, даже облегчить боль нечем, все лекарства закончились. Успокоительных препаратов, способных сдержать их агрессию, тоже нет. Остались лишь военные резервные запасы медикаментов, но папа сказал, что без особого распоряжения они не имеют права к ним прикасаться.

Вот уже почти неделю мы с мамой сидим дома. Обрадовался только Кирик. Наверно, ему надоело целыми днями слоняться по дому одному. Отец с коллегами все еще бьются над спасительной сывороткой. По его словам, есть небольшой прогресс, но до успеха еще далеко. Их команда надеется только на себя. Международная комиссия в Стокгольме прекратила свою работу. Ученые умерли раньше, чем нашли вакцину.

Город теперь в изоляции, как и прочие мегаполисы мира. Больше никто не уезжает и не въезжает. Тот, кто не успел покинуть город, прячутся по своим домам. Каждая семья, каждый дом превратился в коробочку. Наглухо закрытую коробочку, куда никого не выпускают.

Единственным окошком в мир стал для нас телевизор. Сегодня сказали, что крематории закрылись. Городские жители, подогреваемые СМИ подняли бунт, требуя прекратить сожжение. Полная женщина в клетчатой рубашке кричала в камеру, что вместе с дымом мы вдыхаем вирус. Возможно, в чем-то она права. Кроме того, с каждым днем количество мертвых продолжает расти, и городские крематории не справляются. В подтверждение, на экране возникла гора мертвых брошенных тел».

7 июля

Охватившая мир паника только помогла вирусу. Лихорадка Эбола быстро вышла из-под контроля ученых. Военные тоже оказались бессильны. День за днем вирус вгрызался в мир все сильнее и сильнее, впрыскивая яд, который стремительно распространялся по городам, странам, континентам, как по артериям больного. Одна за другой страны объявляли чрезвычайное положение, закрывали воздушное и наземное сообщение, разрабатывали и пытались воплотить планы эвакуации. Но было поздно. Слишком поздно. Повсюду царилась смерть и паника. Эбола прочищал города снова и снова, оставляя после себя миллионы трупов.

Повсюду на домах, где были зараженные, клеили черные плакаты с черепом, как во время чумы, предупреждая об опасности, но вскоре это стало бессмысленным. Идеальный убийца, безупречный преследователь, Эбола проник в каждый дом, в каждую семью. Он оказался повсюду – в воздухе, в воде, он выпекается в хлебе, таится за каждой соседской дверью.

За первый месяц лихорадка унесла жизни двухсот тысяч людей. На конец второго месяца число жертв возросло до тридцати миллионов. По прогнозам ученых, если ничего не предпринять, через 5 месяцев Эбола уничтожит весь мир. Но они ошиблись. Это произошло гораздо раньше.

10 июля

«В Москве умерло девять миллионов жителей. Большинство моих знакомых мертвы... Правительство исчезло. Остались только военные. Чтобы избавиться город от трупного запаха, они придумали новую программу утилизации. Она до банальности проста: умерших грузят в огромные грузовики, отвозят за город, сбрасывают в братские могилы и заливают кислотой. Думаю, когда кислота закончится, в ход пойдет обычная известь. Об этической стороне вопроса уже никто не думает.

Каждый час с экранов вещают краткую сводку – сухие цифры: столько то умерло, столько-то заразились. Сначала мы слушали и с ужасом смотрели репортажи о вымерших городах, со множеством гниющих трупов... но в какой-то момент мы вдруг стали слепы и глухи. Растущее число жертв более не вызывает никаких эмоций. Чувства стянулись в тугой узел и высохли. При известии о смерти очередного знакомого мы еще горестно качаем головой, но, по сути, за этим ничего не скрывается. Ничего. Нам стало все равно».

13 июля

«Телевизор молчит. Большие не показывают ни новостей, ни фильмов, только черный беззвучный экран с надписью «НЕ ПОКИДАЙТЕ СВОИ ДОМА».

Шторы на окнах тоже плотно задернуты. Это невыносимо. Зараженных просто выносят из домов, и оставляют на улице. Вдоль залитых потемневшей кровью тротуаров растут горы скрюченных обезображенных тел. Никому нет дела до них, каждый старается спасти себя и свою семью.

Выходить на улицы опасно. Слишком высок риск заражения. Даже если надеть респираторную маску. Зараженные продолжают нападать. Едва завидев прохожих, они кидаются вдогонку, пытаясь настигнуть и покусать.

Участившиеся случаи нападения вынудили военных ввести новую меру. Зараженный подлежит немедленному уничтожению. В связи с новыми правилами, ночами по улицам патрулируют отряды. Группы людей в черном передвигаются на огромных мусорных грузовиках. Трупы сбрасывают в кузов, того, кто оказывается еще жив, ждет быстрая и неминуемая расправа. Часто ночную тишину разрывают звуки выстрелов. Наверное, они думают, что это своего рода эвтаназия.

Теперь наступление утра предвещает колонна удаляющихся грузовиков, доверху набитых мертвецами».

17 июля

«Мама заражена! Утром она как обычно готовила завтрак. Вдруг я услышала шум и кинулась на кухню. Она стояла, согнувшись пополам. А из ее горла хлестала кровь. Альый бесконечный поток, вилась сквозь зубы, заливая белую плитку пола. Я слышу, я до сих пор я слышу этот хрип, когда захлебываясь собственной кровью, она пыталась сделать вдох. А кровь все шла и шла. Словно со стороны я смотрела на бесконечную красную реку, выходящую с губ матери, не в силах пошевелиться и только резкий окрик отца заставил меня очнуться, схватить брата и вместе с ним кинуться в детскую.

...

Моя мамочка... любимая строгая мамочка... не представляю, как мы будем без тебя... я смотрю на брата... он так на тебя похож... как же больно... мамочка. Есть ли надежда?

Нет. Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Мы тоже умрем. Все. Неизбежно.

Сегодня Кириллу шесть, а мне восемнадцать. В последний раз».

День тот же.

Данила набрал номер диспетчерской аэропорта. Тишина. Позвонил Тарасову, но на звонок никто не ответил. Набрал Рыжего, трубка ответила задумчивыми гудками. Он позвонил в офис, но все безрезультатно. Схватив бинокль, мужчина кинулся во двор. Некоторое время он пристально всматривался в окуляры, стараясь заметить хоть какое-то движение, но тщетно. Поселок опустел. Внезапно мужчина почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. А что если все люди умерли? И на всей Земле он остался один? В секунду его охватила паника. Бинокль без разбора метался по разным сторонам, и на секунду показалось, что даже птиц больше нет. В горле вдруг все пересохло. Неужели никого не осталось в живых? В окулярах виднелся пустой, безжизненный мир, словно диафильм о мертвой и давно покинутой планете. Вдруг отчаянно захотелось увидеть человеческое лицо. Ну, давай же, покажитесь хоть кто-нибудь! Паника нарастала. Он готов был в сию же секунду запрыгнуть в свою лодку и на всех парах мчаться к обитаемым берегам. Но берега отвечали полным безмолвием. Этого просто не может быть! – твердил себе Дэн, как вдруг окружающую тишину взорвал телефонный звонок. Вздвогнув, мужчина поспешил вытащить телефон из карман. Руки тряслись и ему никак это не удавалось ответить. Чертовы гаджеты! Чертыхаясь и нервничая, он тщетно пытался разблокировать экран. Еще ни один звонок не вводил его в такое исступление. Наконец, сенсорный экран поддался. Еще до того, как успел поднести телефон к уху, Дэн закричал:

– Алло, Рыжий! Рыжий!

– Чего ты так орешь, – слышался недовольный голос собеседника. На потемневшем от загара лице Дэна засияла улыбка. Ромка! Родной Ромка! Грудная клетка наполнилась теплом.

– Рыжий, что происходит? – Даже не пытаясь сдержать волнение, спросил он. – Где ты?

– В городе. Дэн, дела **совсем** плохи, – при этих словах улыбка начала медленно сползать с лица Дэна. – Из наших почти все умерли. Решил позвонить тебе, узнать, как ты.

– Я на острове. Приезжай. У меня здесь запас еды и воды. Хватит на пятилетку!

На том конце слышалось тяжелое молчание.

– Спасибо, Дэн. Но как-нибудь в другой раз. Я записался в добровольцы.

– В какие еще добровольцы?

– В армию. Говорю же, дела плохи. – И понизив голос добавил, – Данила, здесь **такое** творится... зараженные кидаются на людей. Сплошь нападения и смерти. Правительство исчезло. Полиции нет. Остались только военные и те на грани. Мы пытаемся спасти живых. Но с каждым днем людей все меньше.

В трубке что-то зашумело. Голос Рыжего начал пропадать.

– Алло! Алло... – но сколько Дэн не кричал, ответа так и не последовало. Все шумело и шелкало, лишь пару раз сквозь шум прорезался голос Рыжего, после чего связь окончательно оборвалась. И сколько бы Данила ни пытался дозвониться, ничего не выходило.

В полном смятении он перевел взгляд с потухшего дисплея на противоположный берег реки.

Некоторое время мужчина оставался неподвижным. В груди, как после урагана, смятение и разруха. От прежней уверенности не осталось ни следа. Звонок Рыжего перевернул все вверх на голову. Рука произвольно метнулась к биноклю. Но окружающий мир по-прежнему оставался неподвижным. Правда, теперь Данила знал, он – не последний человек на Земле. Есть еще Рыжий. А значит, есть за что бороться!

Уверенный, как никогда прежде, Данила Зорин бывший второй пилот, зашел в дом, взял оружие, патроны, положил в рюкзак бутылку воды, сухари, закинул его на плечо, а затем закрыл дверь и как был в защитной одежде с биноклем на груди сел в лодку и завел мотор.

18 июля

«Не могла писать. Все время плакала.»

Отец отвез маму в больницу, где она умерла спустя 2 часа. Об этом он сообщил мне глухим голосом по телефону, как и том, что выходить на улицу категорически запрещено.

За последние сутки в Москве умерло более трех миллионов человек. Эта ночь обернулась для города кошмаром и нестерпимой болью. Как обезумевший палач, смерть металась меж домами, сметая всех, на своем пути. Она заглянула в каждое окно, не обошла стороной ни одну семью. Жуткая гостья, она оставляла после себя лишь ужас и горе.

Помню, как не зная, куда деться от страха, мы забаррикадировали кроватью дверь детской комнаты, и сели у стены. На разговоры и утешения сил уже не осталось. Но инстинкт самосохранения заставлял нас настороженно прислушиваться ко всему происходящему вокруг. У соседей кто-то истошно кричал, то и дело хлопали двери, раздавался топот торопливых шагов, гремела посуда. И так всю ночь, то сверху, то снизу, то откуда-то сбоку. Я чувствовала себя в кошмаре. В доме для сумасшедших, где каждая семья заточена в палате, связана по рукам и ногам единым приступом безумия.

Примерно в пять утра из соседской квартиры раздался истошный крик, столь ужасный, что хотелось заткнуть уши. Кирилл дернулся, прижался ко мне. Он весь дрожал. Не выдержав, я кинулась к наушникам и надела их брату, включив первый попавшийся трек. Сама же просто зажала уши ладонями. Но крики просачивались сквозь пальцы, пробивались под кожу, до костей, впивались прямо в мозг. Хотелось выпрыгнуть из окна, только чтобы освободиться от этого кошмара. Но я не могла пошевелиться, не могла думать и говорить. Я просто молилась.

А к утру все стихло. Вдоволь насытившись, смерть прилегла отдохнуть, великодушно предоставив городу легкую передышку. И тишина оказалась страшнее криков.

Мы с братом отключились. Именно отключились. Это был не сон или забытье, наше состояние напоминало потерю сознания. Измученные страхом, ожиданием мы с Кириком просто не выдержали.

Проснулась я от света. Просачиваясь через полоску между гардин, на мое лицо падал яркий луч солнца. Значит уже день. Я тихонько встала. Во рту все пересохло и горло саднило, но повинуюсь какому-то порыву я подошла к окну. Боже! Едва кинув взгляд на улицу, меня начало трясти. Зажав рот ладонью, я боролась с паникой, не в силах поверить своим глазам. Еще никогда Эбола не был столь жесток. День встречали новые еще не остывшие трупы. Их были тысячи. Мужчины, женщины, дети... единым ковром устилали улицу, устремив в алеющее небо пустые глазницы. Знакомая с детства улица Академика Королева была до горизонта покрыта трупами, а над ними точно погребальный крест высилась Останкинская башня.

Последние иллюзии исчезли: нас никто не спасет. Это была последняя заключительная война, а проигравшее – Человечество.

В каком-то глухом оцепенении я задернула шторы и села на кровать.

Папа вернулся в три часа дня. Совершенно другим и совершенно чужим. Ссутуленные плечи, щетина и внезапно постаревшее лицо. Кирилл спросил – где мама? Сказать ему о смерти материя, я так не смогла. Его испуганный детский голосок повис в воздухе без ответа. Я вижу... я до сих пор вижу взгляд отца. Страшный, пустой, одичавший, но больше всего растерянный. Он что-то начал говорить про маму, антитела и сыворотку, но осекся, так и не закончив. Кажется, он был не в себе. Не произнес ни слова, он продезинфицировал кухню, а затем до вечера пил водку. Утром дрожащими руками отец поставил нам в плечи прививки. Он сказал, это от Гепатита. Сказал, что если мы спасемся от Эбола, глупо умереть от банального вируса. Затем он крепко-крепко нас обнял, вручил нам респираторные маски, оставил немного еды, питьевой воды и наказал следить за новостями. Последних выживших должны были эвакуировать, но когда и когда, никто не знал.

Сам же он отправился в лабораторию. Он еще три доктора вирусолога продолжали искать спасение. Хотя, по-моему, спасать уже некого...».

21 июля вечер

*«Не знаю, когда это произошло. Очевидно, ночью. А утром пришло смс:
Я следующий.
Береги себя и брата.
Люблю вас.
ПАПА*

Я очнулась в тот момент, когда в голос выла, а брат испуганно смотрел на меня, боясь пошевелиться. Это была отчаянная истерика, которая накрыла меня словно надгробная плита. А когда все слезы были выплаканы, сама не знаю зачем, я кинулась к телефону и набрала отца. Мобильник молчал. И дело было не в том, что сотовая связь больше не работала. Скорее всего, папа уже мертв.

*Мы с Кириком остались одни... Я не знаю, что делать. Не знаю куда идти.
Сейчас я просто прижимаю к себе брата и жду».*

22 июля

«Последние сутки я помню плохо. У меня и Кирика открылась рвота. Температура держалась на отметке в тридцать девять градусов по Цельсию. Жаропонижающие не помогли. Все это происходило в бреду, и я была уверена, что мы отправимся вслед за мамой и папой. Но мы не умерли. Возможно, это была лишь реакция на прививку от Гепатита.

В чувства меня привел Кирилл. Брат подошел и тихо обнял меня. Маленькие ладошки успокаивающе похлопали по спине. Помню, как подняла голову и взглянула ему в глаза. Кажется, они лучатся тихим голубоватым светом. В этот момент в них было столько спокойствия, точно ему открылось нечто свыше, нечто такое, о чем мне еще только предстояло узнать. Затем он просто дал понять, что хочет кушать.

В этот момент я впервые осознала, что с того дня, как умерла мама, брат не произнес ни слова. Как я могла этого не замечать? Сколько я ни просила его, произнести хоть слово, он продолжал молчать. Это страшное открытие подействовало лучше любых уговоров. Утерев слезы, я поднялась. В доме еще оставалось немного воды и еды, но для этого мне нужно вновь зайти на кухню...»

День тот же.

Пять дней назад он надел черную солдатскую одежду. После разговора с Рыжим, Дэн понял, его долг – быть рядом с людьми. Если есть хоть малейшая возможность кого-то спасти, ее нельзя упускать. Но покидая остров, мужчина дал себе обещание, когда-нибудь непременно сюда вернуться.

Добраться до столицы оказалось, сложнее, чем он предполагал. Электрички, поезда давно не ходили, трассы сплошь завалены покинутыми автомобилями и мусором. Но он справился. Заметив на опустевшей заправке КАМАЗ, Данила не растерялся. Завел железного монстра и, расталкивая машины мощным кузовом, начал пробираться к Москве. Родной русский КАМАЗ не зря всех рвал на ралли Париж-Дакар, преодолевая немыслимые препятствия. Не подвел и сейчас.

На подъезде к городу, он наткнулся на военный патруль. Солдаты направили его к Кремлю. А напоследок посоветовали без оружия не выходить из машины. На все вопросы, ребята лишь махнули рукой, ограничившись невнятным – увидишь сам.

Долго ждать не пришлось, уже на МКАД сердце Дэна сжалось от ужаса. Тишина и смерть. Эти два слова – единственное, что приходило на ум при взгляде на знакомые улицы.

Москву не узнать. Оглядываясь по сторонам, Данила с трудом заставил себя поверить в реальность происходящего. Все казалось кошмарным сном.

Он покинул оживленный, вечно спешащий мегаполис. С переполненными кафе, пробками и невообразимым шумом. А вернулся в город Смерти. Не было даже птиц. Дороги сплошь устилала почерневшие, вздувшиеся трупы. И так на протяжении всего пути. Ему пришлось в срочном порядке закрыть окна в машине. Дышать тлетворным воздухом стало невозможно. Машина медленно пробиралась к центру, как вдруг в одном из переулков показался человек. Несчастный стоял, согнувшись пополам. Кажется, его рвало. Немного помедлив, Дэн все же притормозил и вышел из машины.

– Эй, приятель! – окликнул он и тут же замер. Человек резко выпрямился и уставился на него безумным взглядом. Его глаза! Они были словно пропитаны кровью. – Я могу тебе чем-то помочь? – Уже менее уверенно спросил Дэн и остановился.

Так же, не говоря ни слова, незнакомец стремглав кинулся прямо на него. Потребовалась пара секунд, чтобы развернуться, добежать до машины и вжать педаль газа в пол. Двигатель бешено взревел, и КАМАЗ рванул вперед. Однако, зараженный успел зацепиться за ручку двери. Грузовик гнал на восьмидесяти километрах в час, сшибая все легковушки на своем пути. Парень все никак не отставал, напротив, уцепившись руками, он со всех сил пытался выбить лбом стекло. На прозрачной поверхности оставались кровавые разводы, но это его не смущало. Красные глаза по-прежнему гипнотизировали Дэна. От благих намерений не осталось и следа. Выбрав удачный момент, мужчина резко дернул руль влево, оставив нападавшего на фонарном столбе.

– Что за дрянь? – На чистейшем адреналине проорал он.

В висках пульсировало – только бы добраться до живых. Как назло, по пути ему встретились еще несколько зараженных. Они кидались вслед, пытаясь догнать грузовик и напасть. Окончательно озверев от шока и неизвестности, Данила гнал вперед. Миновав Новый Арбат, он свернул на Воздвиженку и заметил, что окружающая обстановка резко изменилась. Трогуары очищены от трупов, а в конце улицы дорога прерывалась забором. Уже отсюда Данила заметил, выстроенные вокруг Кремля кордоны. Доехав до начала Воздвиженки, ему пришлось покинуть машину и продолжить путь пешком. Невдалеке виднелся КПП.

Солдаты с автоматом встретили его подозрительно. Самый плечистый велел сдать оружие, задал несколько вопросов, но услышав про намерение стать добровольцем, отправил в медицинскую палатку. Это был шатер из грязно-белой ткани, расположенный через 10 метров от КПП. Внутри хозяйничал человек, полностью облаченный в желтый защитный костюм. Выверенными движениями он наложил жгут чуть выше локтя и спокойно приказал:

– Работайте кулаком.

– Я увидел на улице зараженного. Он пытался напасть на меня.

Человек в желтом костюме замер и окинул новенького внимательным взглядом.

– У вас был **контакт** с этим зараженным? Вы **прикасались** к нему? – Дэн мотнул головой, – а он **прикасался** к вам? Возможно, на вас попала его кровь, слюна или он **укусил** Вас?

– Нет же! – Воскликнул Дэн. – Я скрылся в машине раньше, чем он успел добежать до меня. Но ради всего святого, кто это был? И почему он хотел меня убить?

Собеседник резко замолчал. Делая вид, что этот разговор его больше не интересует, он занялся своим делом. Когда с кровью было покончено, Дэна попросили ждать снаружи.

На выходе стоял один из парней с КПП. От внимания Дэна не ускользнуло, что автомат он держит наготове. Со стороны ворот показался еще один военный. Что-то в его фигуре показалась Дэну знакомым. Присмотревшись, он даже подпрыгнул:

– Рыжий! – Радостно воскликнул Данила.

Военный замер, но уже через секунду мчался во весь опор навстречу старому приятелю

– Дэн! Поверить не могут! Живой! – Веснушчатое лицо озарилось радостной улыбкой.

Мужчины кинулись обниматься, ничуть не смущаясь конвоира. – Как ты здесь оказался?

– Жить захочешь, и не такое сделаешь, ты же знаешь, – все еще не в силах поверить встрече, ответил Данила. После опустевшего города, заваленного тысячам трупов, увидеть знакомого человека, казалось чем-то на грани.

Тем временем конвоир продолжал хранить молчание. Покосившись на парня, Данила обратился к другу:

– Рыжий, хоть ты объясни, что здесь происходит?

Вздыхнув, Рыжий поведал ему обо всем, что знал. К концу беседы подоспели анализы. Из палатки показался человек в защитном костюме, кинув короткое:

– Он чист.

Данила скорее почувствовал, как в висевшее в воздухе напряжение мгновенно спало. Автомат был тут же закинут за плечо, а ему вернули винтовку и пистолет. Солдат дал знак следовать за ним и направился к Кремлю.

– Почему они нападают? – Спросил Дэн. Этот вопрос не давал ему покоя все это время.

– Не знаю Дэн, – покачала головой Рыжий. – Приходится отстреливаться от зараженных, как от бешенных псов. Иначе разорвут. Особенно тяжело стало в последние дни.

Они проследовали до Арсенала, где устроили временные казармы. Данилу Зорину выдали новую форму, ботинки и автомат, тем самым посвятив в солдаты.

С 5 на 6 августа

«Произошло нечто важное! По улицам проехала колонна военных машин. Из громкоговорителей призывали двигаться к Кремлю. Там нам обещали дать еду и воду. Это известие невероятно нас обрадовало, поскольку вот уже два дня мы с братом ничего не ели. Военные сообщили, что сегодня ночью будет открыта вся кольцевая и синяя ветка метро, чтобы люди смогли добраться.

Ближайшая к нам станция – Проспект Мира. До нее хода около часа. Завтра ровно в полночь выходим!

...чуть позже

Наверное, мы слишком долго ждали помощи. Через десять минут, как уехала колонна, на улице показались парень с девушкой. Их было двое. Перешагивая через трупы, они держались за руки. Вслед за ними появились другие. Мужчины, женщины, несколько детей. Всего восемь человек. Я обрадовалась и уже хотела крикнуть Кирику, что мы тоже выходим, но осеклась.

Внезапно некоторые трупы на земле зашевелились. Люди с ужасом обнаружили, что не все, кто лежал под их ногами, были мертвы. Зараженные тянули к ним руки, хватили за одежду. Первые секунды казалось, что таким образом они просят о помощи. Но это продолжалось недолго. Ни парень, ни девушка, не успели пересечь даже двор. Внезапно с разных сторон к ним устремились ОНИ.

Обессилевшие ползли, но несколько зараженных вполне крепко стояли на ногах и стремительно приближались. Девушку повалили наземь, парень еще отбивался, но на него напали сразу пять ЭТИХ существ. Остальные люди, едва завидев опасность, помчались обратно к подъездам.

Еле как отбившись, парень побежал прочь, а девушка так и осталась лежать. Глядя на нее сверху, я отчетливо видела укусы: перегрызенное горло, изуродованное лицо, руки. Да, зараженные и ранние вели себя агрессивно. В больнице были случаи нападения, но то, что произошло во дворе, было чем-то другим...

Отойдя от окна, я постаралась сосредоточиться. Теперь ясно, почему полицейский сказал идти ночью. Также стало понятно, почему запустили ветку метро. Передвигаться под землей стало безопаснее, чем по ней...

...вечер

Вещи собраны. Мы набили до отказа два рюкзака. Фотографии, немного одежды, а в основном подарки родителей. Ведь память важнее вещей. Чтобы сохранить силы, я уложила Кирика спать. Сама же, сколько ни старалась, уснуть не смогла. Это наша последняя ночь в доме и мне не по себе. Здесь прошло наше с Кириллом детство. Самое счастливое и беззаботное время. Не верится, что ничего не будет, так как прежде. Мама не зайдет на кухню в поисках молока, и они не поспорят с папой, кто везет Кирика в школу.

Мне совершенно не стыдно признаться, что половину этой ночи я просидела в шкафу. Там пахнет родителями. Я знала это с детства. Когда они задерживались после смены, я забиралась в шкаф и сидела там до их возвращения. А потом появился Кирилл и мы стали прятаться в шкафу вместе. Казалось, все это время родители рядом.

Никак не могу привыкнуть к мысли, что их больше нет. Не верю. Возможно, когда-нибудь... а сейчас мне проще думать, что мама ушла на дежурство, а папа заперся в лаборатории и вместе с командой докторов – таких же самоотверженных добровольцев, продолжает искать вакцину против Эбола.

...

А теперь пора».

7 августа

На улице пахло смертью. Августовский жаркий воздух приумножил тлетворный запах разложившейся плоти. Респираторные маски спасали путников от зловония, но к сожалению, легче от этого не становилось.

В холодном лунном свете трупы напоминали сгнившее желе. Почерневшие с вывернутыми наизнанку внутренностями и застывшие в нелепых чудовищных позах. Их вздувшаяся плоть продолжала гнить и пузыриться, процессы тления, ускоренные жарой и вирусом походили на порядок быстрее, чем при обычной смерти. Кристина, как могла, прижимала брата к себе, хотя понимала, он все равно видит.

Окинув взглядом двор, она приняла единственное верное решение – пробираться вдоль домов. Под окнами было относительно чисто и в случае опасности можно быстро укрыться в подъезде. Сейчас ей приходилось учитывать все, иначе не выжить.

Страх сковывал каждую клеточку тела. Каждая тень, каждый шорох грозил смертельной опасностью. В лунном свете все казалось подозрительным и, цепко вглядываясь в ночную тьму, Кристина осторожно продвигалась под окнами. Их цель – станция Проспект Мира, но чтобы добраться до него прежде нужно пройти улицу Академика Королева, а далее бесконечно длинный проспект. И как это сделать, одному Богу известно. Чтобы подбодрить себя, Кристина взглянула на брата. Нет, она **не позволит** страху победить. Прежде всего, ей нужно заботиться о Кирилле. Крепче сжав его руку, девушка двинулась вперед.

Вместе они прошли двор и наконец-то добрались до трамвайных путей. Над головами путников высилась пустая платформа монорельса. До их слуха долетало шуршание газет, гоняемых ветром по опустевшей платформе. Проскочив рельсы, путники вышли на Королева. С одного конца улицы высилась Останкинская башня. Некогда освещенная миллионами огней, теперь она темным шпилем уходила в небо. И где-то там на самом верху, виднелись очертания российского флага. Кристина перевела взгляд на небо. Яркий августовский месяц щедро лил белесый свет. Его тени мазками ложились на здания, подсвечивая темные окна. На противоположном конце улице высилась серебристая ракета из Аллеи Космонавтов. Их разделяли пятьсот метров, усеянного трупами и опасностью. И если бы не другие выжившие, скорее всего она бы свернула обратно в тихую привычную обстановку дома. Но черные тени, беззвучно скользившие в сторону метро, вселяли надежду.

Люди почти не смотрели друг на друга, но присутствие себе подобных, вне сомнений, придавало им уверенности. В основном шли по одиночке. Тем, кому посчастливилось, по двое.

Семей не осталось. На некоторых участках дороги приходилось буквально идти по трупам. Было жутко и до невозможности противно.

Каждый шаг, каждый шорох отдавался невероятным напряжением. Каждая мышца натянута как струна. На середине Королева они замерли. Со стороны трамвайных путей послышались торопливые шаги. Кусты, отделявшие их от шума зашевелились и оттуда выскочили двое. Кристина и Кирилл замерли. Боясь даже вздохнуть, так и стояли, прижавшись друг к другу. Через секунду поняли, это нормальные живые люди. Оглядевшись, незнакомцы целенаправленно устремились в сторону Аллеи Космонавтов. Заметив это, Кристина выдохнула. Пот катился градом, но девушка ничего не замечала, все внимание сосредоточено на окружающем мире.

Миновав улицу, они вышли на Останкинский проезд, а дальше по Проспекту Мира нужно было идти все время прямо. Лунный свет заливал опустевшую улицу, поседевшие сталинки с черными окнами, провожали их, точно немые конвоиры. Дорога тянулась в горку и уходила за горизонт. Кристина знала, идти далеко, путь займет не меньше часа, но иного выхода не было. Шли по проезжей части, огибая брошенные машины. Тротуары стали совсем непроходимыми. Вдруг на проезде Ольминского в проемах меж домами замелькали тени, в ту же секунду раздался истошный вопль, от которого мгновенно кинуло в холод. Чувствуя, как на затылке шевелятся волосы, Кристина рванула вперед. Ведомая инстинктами, она понемалу, путь назад отрезан, а потому что было мочи, мчалась вперед. Кирилл едва поспевал.

От страха сердце бешено колотилось в груди, в ушах шумело, а перед глазами расплывались темные круги. Позади все еще слышались ужасающие вопли. Останавливаться нельзя. Иначе **то**, что кричало позади, могло их настигнуть. Вместе они добежали до Рижского путепровода и, только миновав мост, смогли чуть-чуть замедлиться. Дыхание с хрипом вырывалось из горла, щеки горели, но они продолжали путь. Впереди лежало еще несколько километров ночи, страха и ужаса. И их нужно пройти, во чтобы то ни стало!

День тот же.

На платформе Проспекта Мира было светло. После ночной темноты, свет казался неуместным и слишком ярким. Вокруг стояли люди. Со стороны они представляли собой странное пугающее зрелище – на лицах маски, по большей части самодельные, руки покрывали резиновые перчатки и длинные рукава одежды. И не смотря на летнюю жару все до единого укутаны в одежды. Каждый сантиметр тела, который мог служить лазейкой для вируса, тщательно скрыт. Люди с опаской озирались на других. Никто даже не пытался заговорить или подойти близко к другому человеку. Всех сковывал **страх**. Сейчас они превратились в стайку загнанных животных, одержимых одной единственной целью – выжить.

Кристина заметила, как одна женщина в обычной медицинской маске пристально разглядывает их. На всякий случай девушка отошла подальше. Все это время она ни на секунду не выпускала руку брата.

Ждали. А поезда все не было.

Так прошло минут десять и люди начали заметно нервничать, как вдруг издали донесся знакомый грохот. Пассажиры не сводили глаз с тоннеля. Пристально вглядывались в густую темноту и напряженно ждали. Звук все нарастал, приближался, и вскоре стал отчетливо слышен металлический грохот колес. Вот из глубины тоннеля вынырнули два луча света, озарив их лица. По толпе прошелся радостный шепот.

Военные не обманули! По кольцевой действительно запустили поезд!

Набившись в вагон, все замерли в ожидании. Отрезанные от привычного мира, офисов, кафе, любимых мест, люди взволнованно разглядывали внутреннее пространство поезда. Они с благоговением вслушивались в нарастающий гул поезда, и в сердце каждого расцветала надежда. Возможно, это не конец и все еще может быть по-прежнему. На Комсомольской к ним

присоединились еще выжившие. В вагоне ощутимо потеплело от робких взглядов, прикосновения соседских плеч. Люди вновь куда-то ехали, толкались в подземке, такой ненавистной ранее, и такой милой сердцу сейчас. Каждый вновь чувствовал себя живым...

До Курской оставалось всего ничего, как вдруг **резко** остановившись, поезд замер...

В туннеле

Машинист молчал. В вагоне еще горел свет, но за стеклами царила темнота. Рядом кто-то громко и часто дышал. Его сбивчивое, полное ужаса и паники дыхание, невольно передавалось и Кристине. Девушка вжала голову в плечи. Вдруг стало так страшно, что застучали зубы. Вокруг темнота, в которой различались лишь призрачные тени. Текли секунды, но ничего не происходило. Кто-то не выдержал, напряженную тишину прорезал истеричный женский крик. Через секунду его подхватили другие. Люди кричали и бились о двери. Густая пелена тьмы и ужаса вмиг заполнила вагон, точно кисель. Она мешала дышать, залепляла глаза, уши, тяжестью обвивала руки и ноги. Кристина лишь сильнее сжала зубы, схватила Кирика и кинулась в угол вагона. Вжавшись в стену, они слушали как обезумевшие пассажиры спорили, кричали, выли... А они сидели и цеплялись друг за друга, как за последнее, что осталось у них в жизни.

Кто-то догадался включить фонарик и наконец-то прочитать инструкцию. Пара движений и двери распахнулись, путь свободен. Но куда? Глядя в угрожающую полутьму туннеля, люди боязливо топтались у дверей. Никто не знал, что или КТО их там ждет. Одна женщина убеждала, стоит оставаться на месте, подмога непременно придет. Ей в ответ тут же полетели насмешки. Люди не верили в спасение. Каждый верил только в себя.

После недолгих споров люди двинулись вперед, куда согласно маршруту должен был следовать поезд. Огней станции не было видно даже на горизонте, но почему-то люди верили, спасение именно там...

Отец всегда говорил – держитесь подальше от толпы. Он считал, большое скопление людей источником потенциальной опасности и легкой мишенью для катастроф. Наверно, поэтому Кристина приняла такое решение. Развернувшись прочь от людей, и ободряюще подмигнув брату, девушка двинулась ровно в противоположную сторону. Помимо родительских наставлений, было что-то еще, предостерегающее ее от движения вперед.

Туннель тускло освещали редкие лампы. Закованные в толстое стекло и металлическую сетки, они почти не давали свет. То и дело, спотыкаясь о торчавшие кабели, ребята быстро зашагали в сторону Комсомольской. В воздухе отчетливо ощущался запах мазута и масла. Разглядывая стены, покрытые толстым слоем проводов и грязи, Кристина поймала себя на мысли, что боится больше, чем брат, но не смеет себе в этом признаться.

Время от времени на путях виднелась надписи – буквы и цифры, но что они означали, ребята не знали. Вскоре поезд скрылся из вида. Позади неизвестность, впереди пустота. Воспользоваться навигатором на телефоне, а тем более позвонить в службу спасения – невозможно. К этому времени Интернет, телефонная связь, ровно, как и другие службы перестали функционировать. Единственное, что оставалось у путников – здравый смысл и память. Удерживая в голове карту метро, девушка мысленно выстраивала маршрут.

Ее цель – Площадь Революции. Впереди Комсомольская станция Кольцевой линии. Чтобы попасть на синюю ветку, прежде ей стоило перейти на красную и двигаться к центру города. Так они смогут попасть на станцию Охотный ряд, а уже оттуда по переходу доберутся на Площади Революции. Выходит, все не так уж сложно.

Глухие отзвуки шагов терялись в высоких сводах туннеля. Точно металлический хребет, посверкивали рельсы. Внезапно сзади раздался резкий окрик. Обернувшись, ребята обнаружили незнакомого мужчину.

– Пойдите... – Эхо слов, точно камни, прогремело вглубь тоннеля и постепенно затихло.

Остановившись, Кристина инстинктивно спрятала брата за собой и настороженно оглядела незнакомца. **Кто** он, а главное, что здесь делает? На вид обычный пассажир: брюки, ботинки, легкая куртка, в руках портфель. Высокий лысеющий лоб, очки и чуть вытянутое лицо наполовину скрытое медицинской маской. Но тревожность не отпускала. С чего вдруг он не пошел со всеми, а двинулся в другую сторону? А что если он – извращенец или маньяк?

Пока девушка лихорадочно соображала, что из тяжелого есть в рюкзаке, мужчина преодолел разделявшее их расстояние. Из-за стекол очков смотрели пронизательные и немного грустные глаза. Уловив этот взгляд, девушка вдруг подумала, что они где-то встречались. Однако, отбросив все глупые домыслы, она принялась осматривать дно тоннеля в поисках оружия для самообороны. Верно истолковав ход ее мыслей, мужчина спокойно заметил:

– Не бойтесь, я доктор и не обижу вас. Я видел, что вы пошли в другую сторону и не мог оставить вас одних.

Кирик неожиданно шагнул навстречу незнакомцу. Видимо от страха его разум совсем помутился. Кристина тут же одернула брата и вновь спрятала его за спину. Заметив это, мужчина вымученно улыбнулся и хотел что-то сказать, но слова так и повисли в воздухе. Со стороны Курской вдруг раздались жуткие вопли. Один, второй, но вскоре их подхватили все, женские и мужские голоса сплелись в единый непрерывный вой. Многократно усиливаемые эхом тоннеля, они точно лавина неслись со стороны остановившегося поезда. Но даже сквозь этот чудовищный шум до слуха долетал до ужаса страшный не человеческий визг. Словно ультразвук, он пробирал до костей, пробуждая в груди панику и заставляя забыть обо всем. Путники в ужасе застыли. Ноги налились свинцом и приросли к земле. Кристина поняла, что ее трясет, Кирик стоял с силой зажав глаза и уши, и беззвучно плакал. Доктор выглядел не лучше. На белой как мел коже блестели остекленевшие глаза. Парализованные страхом, они судорожно вглядывались в тьму тоннеля, не в силах пошевелиться. В голове молотом бил один и тот же вопрос – что это?

Но ответом стала новая леденящая волна предсмертных криков.

– Быстрее. – Еле слышно прошептал мужчина. Язык едва шевелился. На негнувшихся ногах он приблизился к ребятам. – Надо уходить. Быстрее, – бормотал он как заведенный, подталкивая их вперед.

Голос мужчины вывел из оцепенения и на смену страху пришла паника. Вмиг позабыв обо всем на свете, девушка сжала ладонь брата и, не жалея ног, рванула к Комсомольской.

Крики не стихали, напротив, достигли своего апогея и теперь доносились со всех сторон – спереди, сзади, вырастали из-под земли, сыпались с потолка и обрушивались на головы путников свинцовой пеленой страха.

Подгоняемые животным страхом, они отчаянно неслись по тоннелю. Воображение рисовало страшные картины гибели людей. Дыхание со свистом срывалось с губ, но никто этого не замечал. Главное убежать, скрыться! Рельсы сворачивали, извивались, увозя их все дальше от злополучного поезда. Лампы скакали вверх-вниз, вместе с ними бешено стучали сердца. Все трое чувствовали, там сзади в спины им дышало **нечто** ужасное. И оно стремительно приближалось.

Туннель кольцевой ветки

От страха обострились все чувства. Мужчина ощущал, как его тело овеивает прохладный воздух тоннеля, видел все, до малейших деталей: почерневшие гайки на рельсах, черные разводы влаги и плесени на стенах, переплетение проводов, свод тоннеля и серые выступающие шпалы на земле. Он слышала прерывистое дыхание своих спутников и десятки, летящих в спину, голосов. Крики не стихали, превращаясь в нечеловеческие вопли загнанных зве-

рей. Что было мочи, они мчались по шпалам, одержимые одним единственным желанием – выжить. Внезапно провода расступились, и в стене показалась дверь. Явно не соображая, что делает, девушка рванула к двери и дернула ручку на себя. Дверь была заперта, но она вновь и вновь пыталась ее открыть. Доктору пришлось буквально отдиравать ее похолодевшие пальцы от металлической ручки, чтобы вновь продолжить путь.

– Нельзя! Там наверху тоже смерть, – глядя в остекленевшие от ужаса глаза, он старался быть убедительным. – Надо бежать вперед!

Кажется, девушка его услышала. Вновь схватив брата за руку, она вновь рванула вперед. Вскоре показалась развилка. Еще немного... Кирилл споткнулся о кабель. Подхватив его на руки, мужчина продолжил бег.

Добравшись до развилки, путники чуть замедлились. Одни рельсы вели на Комсомольскую кольцевую, вторые, очевидно, на запасные пути. Присев в сторонке, чтобы отдышаться, Кристина заметила, как по серой стене напротив, течет вода. Все еще тяжело дыша, она запрокинула голову и проследила взглядом до трещины. Очевидно, вода просачивалась грунтовые воды, а может и стекала с поверхности. Всего несколько десятков метров отделяли их от города, в котором еще теплилась жизнь. Возможно, группы людей куда-то бегут, стараясь укрыться и выжить. И неизвестно, где лучше – там или здесь под землей. И то и другое казалось обреченным.

– Что это было? – Спросила она, только чтобы услышать свой голос и почувствовать, что все еще жива. Надеяться на ответ глупо... но все же.

Незнакомец неопределенно мотнул головой.

– Я не знаю. Может утечка газа, может еще что-то или кто-то.

– Вы тоже слышали визг? – Догадалась она.

– Да, – немного помедлив, признался доктор. По спине пробежало что-то липкое и холодное. – Ясно одно, кольцевая линия небезопасна, а значит нужно двигаться по радиальным веткам. На Комсомольской есть переход. По нему можно попасть на радиальную и оттуда идти к центру города.

Кристина кивнула, их планы совпадали. Инстинктивно она обняла брата. Его дыхание почти пришло в норму, а значит скоро можно двигаться вперед.

Мужчина тем временем открыл портфель и вытащил новую маску. Старую он скомкал и откинул в сторону, заменив ее свежей. Вновь взглянув на ребята, он подумал, что они похожи на двух испуганных воробьев. Такие же маленькие и беззащитные:

– Вас звать-то хоть как? – Потеплевшим голосом спросил он.

– Кристина и Кирилл, – устало ответила девушка и провела ладонью по густой шевелюре брата.

– Меня можете звать просто Док, – он слабо улыбнулся, но тут же вновь стал серьезным. – Пора идти. Как только приблизимся к платформе, я пойду первым. Вы останетесь в туннеле. Если вдруг услышите мой крик, – он нервно сглотнул, но все же продолжил, – немедленно бегите обратно на кольцевую и ищите другие пути выхода на Арбатскую. Ваша цель – Кремль. Если там военные, это спасение. А здесь, сама видишь, – он неопределенно махнул в сторону, где осталась Курская, – только смерть.

Она вновь испытывающе посмотрела на мужчину. Психом он точно не был, но все-таки не выходил из головы вопрос – что заставило его последовать за ними? Что-то здесь не так. Вспоминая взгляд женщины на Проспекте Мира, заприметившей их респираторы, Кристина усомнилась в чистоте его намерений, но тут же одернула себя. Выбирать не приходится. Вдвоем с братом им едва ли удастся выжить в этом кошмаре, а вместе с мужчиной шансы на спасение значительно возрастали. Все верно рассудив, девушка согласно кивнула и дала понять, что готова продолжить путь.

Путники свернули налево в сторону красной ветки. Вскоре показался просвет. Все трое перешли на шаг и осторожно приблизились к станции. Невдалеке замелькали огни вестибюля и мраморная облицовка стен. За несколько метров до начала платформы, доктор подал знак остановиться и, как условились ранее, двинулся вперед один. Оставшись позади, Кристина и Кирилл напряженно наблюдали, как мужчина осторожно приблизился к краю стены и выглянул на платформу. Но не прошло и секунды, как он тут же отпрянул. Вжавшись спиной в стену туннеля, словно стоял на краю огромной пропасти, мужчина с силой зажмурил глаза. Костяшки пальцев, сжимающие портфель, побелели. **Что** могло его так напугать? Казалось, прошла вечность, прежде чем он вновь открыл глаза и осмелился выглянуть вновь. На этот раз Док задержался чуть дольше. Некоторое время мужчина напряженно вглядывался куда-то, затем осторожно отпрянул от края платформы, и только после этого дал сигнал идти к нему, но указательный палец, плотно прижатый к губам, подсказывал – на платформе кто-то есть.

Платформа станции Комсомольская

Ребята осторожно приблизились. Следуя примеру доктора, они пригнулись и пошли по самой кромке путей, максимально близко к стенке платформы. Кто бы ни был на станции, он не должен их заметить!

Почти сразу Кристина почувствовала запах. Перебивая мазут и сырость, в воздухе остро ощущался запах крови – металлический, тягучий, его ни с чем не перепутать. До слуха долетали странные звуки, больше похожие на непрерывное чавканье или хлюпанье. Но сама мысль выпрямиться и взглянуть поверх платформы вызывала приступы безотчетного ужаса.

Шаг за шагом они продвигались вперед. Зияющая чернота тоннеля приближалась мучительно долго. Чтобы не оступиться, девушка считала каждый шаг – ровно 420 бесконечных, пропитанных страхом и неизвестностью шагов.

Все это время она держала руку брата, ладонью ощущая его дрожь. Внезапно мужчина, шедший впереди, остановился. Текли секунды, но ничего не происходило. Девушка подняла взгляд на доктора, неподвижно согнувшегося впереди. По наклону чуть приподнятой головы, она сообразила, мужчина напряженно вглядывается вперед. Проследив за его взглядом, она уперлась в огромное увеличительное зеркало. Такие обычно стоят в начале каждой платформы для машинистов. Теперь **это** увидела и она. В горле мгновенно все пересохло. Расширившимися зрачками Кристина разглядывала огромное багровое месиво. Глаза выхватывали части тела, в клочья разорванную человеческую плоть, клоки женских волос, торчавшие кости. К горлу неминуемо подступила тошнота, но она не смела. Потому что над всем этим месивом пировали они. Полулюди – полумонстры, они перемещались между трупов на четвереньках, жадно вгрызаясь в останки. И **чавкали, чавкали, чавкали**.

В туннеле

Кто это и зачем они это сделали? Как вообще такое возможно? Господи, господи, услышь нас, увидь...

Открывшаяся картина стояла перед глазами. Тоннель был близок, но ни доктор, ни девушка его не видели. И даже миновав станцию, все трое в страхе жались к земле. Кристина с силой сжимала зубы, а они все равно стучали, заполняя все вокруг невообразимым шумом. На языке до сих пор ощущался металлический вкус крови.

Даже удалившись на безопасное расстояние от злополучной станции, напряжение все еще не отпусало. Взгляд доктора остановился на девушке.

– Что... Кто... – Ей никак не удавалось закончить фразу. Слова словно гвозди царапали губы и с лязгом падали на бетонный пол. Все тело трясло. – Кто это?

Мальчик смотрел на сестру со смешанным чувством испуга и удивления. Конечно, иногда она вела себя, как настоящая девчонка, но в основном он ей гордился. Сейчас же с сест-

рой происходило нечто совершенно непонятное и не укладывающееся в его детскую голову, от этого становилось еще страшнее. Он тянул ее за руку, но Кристина не реагировала. Уставившись в глубину туннеля, она продолжала трястись и что-то бессвязно бормотать.

Диагноз ясен, у девушки шок. Не медля ни секунды, Док подошел, и мягко, но настойчиво тряхнул ее за плечи.

– Кристина, возьми себя в руки, – спокойно и строго сказал он. Стараясь пробиться сквозь пелену страха, сковавшего ее сознание, мужчина вновь повторил свои слова.

Встретившись с ним взглядом, девушка немного притихла. Казалось, из его глаз струится добрый свет, действующий лучше любого успокоительного. У отца был ровно такой же взгляд, когда он хотел отвлечь от боли или приободрить. Так вот где она могла его видеть! Наверное, все доктора смотрят по-особенному.

Ухватившись за проблески понимания, мужчина настойчиво продолжил:

– Я не знаю, что там произошло. Но одно знаю точно – нам нужно выбираться отсюда. Иначе часом раньше, часом позже мы все равно попадемся в лапы этих монстров.

Его пальцы тоже дрожали, но сжатые губы красноречивее любых слов говорили о решительности.

– Куда? – Только и смогла произнести она. Казалось повсюду смерть. Какое направление не выбери, конец один.

Путь к радиальным станциям скорее всего отрезан. Если повезет, то по запасным путям они возможно и уйдут с кольцевой линии... но в удачу она уже не верила.

– В Кремль, если спасение вообще возможно, то оно там, – убежденно заявил доктор. – Так что соберись. Ты нужна своему брату.

Не известно, что повлияло больше, его уверенность или испуганный взгляд мальчугана, но девушке удалось справиться с шоком.

Их путь по-прежнему пролегал по кольцевой. Двигаясь против часовой, они надеялись отыскать хоть одну станцию, свободную от чудовищ. Но везде их встречала одна лишь смерть. Платформы, сплошь заваленные обезображенными телами, и их чавкающие, измазанные кровью, пожиратели, пирующие над останками людей.

Но самое ужасное заключалось в том, что со всех концов Москвы продолжали стекаться люди. Они спускались в подземку в поисках спасительного поезда, даже не подозревая, что здесь их ждет чудовищная смерть. Еще более стремительная и ужасная, чем от вируса. Время от времени гул тоннеля нарушали душераздирающие крики. Они неизменно сопровождались визгом этих тварей. Едва заслышав очередной предсмертный вопль, Кристина заставляла брата закрывать уши. От осознания столь жуткой неизбежной кончины становилось по-настоящему плохо. Но не изменить, не предупредить людей не было никакой возможности.

В поисках безопасных путей они все глубже спускались в метро, лелея надежду, что бесконечный лабиринт тоннелей в конечном итоге приведет их к Красной площади.

Тоннель синей ветки

Так прошел час, второй, третий – сколько они здесь? Пару раз путники сворачивали на запасные пути, стараясь уйти подальше от кольцевой, но не всегда это получалось и приходилось возвращаться. Так и сейчас, Док повел их по второстепенным путям. Внутренний компас подсказывал, в этот раз все должно получиться.

Кристина устало подняла голову. Все те же стены, лампы, провода и запах мазута, такой же тяжелый и противный, как и все окружающее. Кирилл с трудом переставлял ноги и все чаще спотыкался. Силы были на исходе. А кроме прочего, приложив ладонь к его лбу, девушка убедилась, у брата снова начался жар. Ее щеки также горели, свидетельствуя о высокой температуре. Но расслабляться нельзя. Собрав последние силы в кулак, они двигались вперед.

Возможно, присутствие этих существ обострило восприятие, а может просто усталость сыграла с ними злую шутку? Но иногда казалось, что позади них кто-то есть. Вдруг слышались торопливые шаги, буквально наступающие путников. Все трое тревожно оборачивалась и вглядывалась назад. Но никого не было. А через секунду все повторялось вновь. Или вдруг исчезали все звуки. Их окутывала плотная тишина и они шли как будто в вакууме, беззвучно рассекая пространство. Но потом все снова менялось, и туннель вдруг начинал оживать. Откуда-то доносились протяжные, больше похожие на стоны, звуки. Смешиваясь с завыванием ветра, электрическим жужжанием ламп и миллионами других неизвестных шорохов они до ужаса пугали, рождая в груди безотчетную панику.

Вдруг почудились крики. Девушка остановилась и прислушалась. Док тоже остановился, напряженно вслушиваясь. Воображение усиливало эффект по нарастающей. Казалось где-то близко люди. Не выдержав, все трое кинулись вперед. Возможно, там спасение?! Но пробежав несколько метров, путники остановились, осознав, что никаких криков нет. Туннель обманул их, наполнив воображение несуществующими звуками. Именно в этот момент они впервые почувствовали **это**. Несмотря на остановившиеся поезда и горы трупов, подземка продолжала жить. Путники вглядывались в тьму тоннеля, а она вглядывалась в них, отвечая протяжными стонами, доносящимися откуда-то из глубины своего чрева.

Чудилось, что с тех пор, как они спустились в подземку, прошла вечность. Но ни девушка, ни доктор уже не понимали, куда их занесло. Петляя по бесконечной сетке метрополитена, они были на грани. Заканчивались силы, таяла уверенность, и свет в конце тоннеля казался все слабее. Но вот впереди замаячила очередная станция. Как и прежде, первым пошел доктор. Кристина проводила его потухшим взглядом, как вдруг заметила коричневую облицовку стен. В ее уставшем, истерзанном страхе сознании шевельнулась какая-то мысль. Пройдя пару шагов вперед, она убедилась в правоте своих подозрений. Площадь Революции! Они наконец-то добрались до конечного пункта! Но девушка тут же осеклась. Если на платформе трупы и монстры, значит, и путь вверх отрезан. Молясь про себя, она напряженно наблюдала за Доком.

Достигнув края платформы, мужчина осторожно выглянул, но вместо того, чтобы припасть к рельсам, он выпрямился и смело огляделся. В ту же секунду Кристина уловила запах. Это был дым! Тем временем Док оперся руками о край бетонной платформы и подтянулся вверх. Он сделал пару шагов вперед и окончательно убедился, что платформа чиста. Помимо нескольких трупов, лежавших чуть поодаль, здесь больше никого не было!

Вырвавшись из тоннеля ребята устремились к платформе. Мужчина помог взобраться и повел ребят к эскалатору.

Беспокойство все еще не отпускало. Однако, медлить нельзя. Проходя мимо бронзовых скульптур, отполированных миллионами прикосновений «на удачу», Кристин потянулась к приветливой морде собаки. Но резкое движение доктора вовремя ее остановило. Эта скульптура, как все другие могла быть заражена.

Эскалатор не работал, пришлось подниматься пешком. На середине пути они вновь услышали крики. Разрываясь между желанием вырваться на улицу и рвануть обратно, путники замерли. Через секунду вновь послышался крик. Но что-то изменилось! Да! На этот раз это были членораздельные крики человека, явно отдававшего приказы. Зычный властный голос мог принадлежать военному или полицейскому. Значит, там наверху остались выжившие! Переглянувшись с доктором, они рванули по замершему эскалатору вверх.

Не зирая на усталость и страх, путники мчали во весь опор, в этот миг впервые в жизни, так четко и ясно ощущая – что такое настоящая надежда!

Выход со станции Площади Революции

Преодолев ленту эскалатора, они побежали к стеклянным дверям. Голос и шаги звучали все тише. Похоже, человек, которому они принадлежали, удалялся. Понимая это, путники бежали из последних сил. Только бы успеть! Оказавшись в переходе, Док с Кристиной боязливо огляделись. Отсюда в разные стороны расходились туннели, заваленные обгоревшими трупами. Но вот в конце одного мелькнула спина в защитной форме. Кристина крикнула. Ее голос эхом прогремел во все стороны, но военный не обернулся. Плотнее прижав маски к лицам, они рванули в сторону мужчины. Читая на ходу указатели, доктор убедился, выход вел на Красную площадь. Неужели они добрались до Кремля?! После всего пережитого, так сложно в это поверить.

Но вот просвет! Впереди двадцать бетонных ступеней, верхние из которых заливают дневной свет. Они спасены! Рванув вперед, они едва успели достигнуть середины лестницы, как путь преградило черное дуло автомата. Видимо, военный все же услышал крики, но вместо приветствия он навел на них оружие.

– Не стреляйте! – Поспешно вскричал доктор и поднял руки вверх. – Мы здоровые нормальные люди,

Некоторое время военный напряженно вглядывался в их лица, точно чего-то ожидая. Сквозь пластик противогаза виднелся лишь пристальный взгляд карих глаз. Кристина заслонила собой брата, хотя понимала, едва ли это спасет его от пули. Казалось, прошла вечность, прежде чем мужчина отвел в сторону дуло. Но за все время добровольной службы, он успел повидать **достаточно**, чтобы избавиться от малейших заблуждений. Поглядывая на мальчонку, то и дело выглядывавшего из-за спины девушки, он все же решил, что эти трое безопасны.

– Рыжий, у нас выжившие, – сообщил он, дотронувшись до рации, – мужчина, девушка и ребенок.

Послышалось короткое шипение, затем бодрый мужской голос ответил: – Наверх, в изолятор!

Военный кинул быстро и четко – за мной! Повторять дважды не пришлось.

Площадь Революции, Манежная и Красная площадь

Яркий утренний свет резал глаза. Значит, они провели в подземке всю ночь. Щурясь и прикрываясь от солнца ладонью, Док в ужасе смотрел по сторонам. Открывшееся зрелище, повергало в шок. Он с трудом узнавал центр города. Манежная площадь охвачена безумием: повсюду танки, солдаты, огонь, паника и хаос. Со стороны Александровского сада слышались мощные взрывы, сопровождаемые густой завесой дыма. Грохот автоматных очередей чередовался с шипением огнеметов. И сквозь эту жуткую какофонию острый, как лезвие бритвы, прорезывался визг, точь-в-точь как в подземке. По перекошенным лицам солдат, стало ясно, они тоже едва выдерживают этот звук.

К утру зараженные прорвали кордоны, выставленные в центре, и теперь нападали со всех сторон. По сужающемуся кругу, стало ясно, военных неизбежно оттесняют к Красной площади. Солдаты, кто пытался отстреливаться обычными патронами, безжалостно сметались. Обычный пистолет, пулемет и уж тем более нож – оказались бессильны остановить полчища монстров. Они неслись со всех сторон. От пуль падали первые, но за ними следовал нескончаемый поток новых демонов. Спасал только огнемет. Пламя струя – единственное, что могло сдержать поток монстров. Военные, вооруженные огнем, защищали не только себя, но тех несчастных, кто оказался рядом.

У стен Кремля развернулась не менее кровавая бойня. По всему периметру стояли военные и они отстреливали зараженных, выбежавших из подземных переходов. Всем было ясно, пора отступать. Им не выстоять.

Добежав почти до ворот Кремля, доктор обернулся. Отсюда вся Манежная как на ладони, и тут он увидел их, впервые так близко и четко. Полчища обезображенных изуродованных вирусом существ кидались на живую шеренгу солдат, вновь и вновь отбрасываемые назад. Это были уже не люди. Человеческий облик стерся под натиском нового неизвестного штамма. По остаткам одежды еще можно было определить половую принадлежность особей, но их поведение безоговорочно свидетельствовало, что теперь эти границы исчезли. Их тела сплошь покрывали кровавые язвы, полопавшаяся кожа обнажала гниющую плоть. Движения резкие хаотичные и какие-то нелепые. Со стороны казалось, что ими, как марионетками дергая за невидимые нити, руководит кто-то другой.

Но более всего поражали глаза. Красные, налитые кровью, они казались неподвижными. Немигающий остекленевший взгляд смотрел строго перед собой. Чтобы посмотреть в бок существам приходилось поворачивать голову. Это не возможно было не заметить. А еще монстры делали странные абсурдные повороты головы, точно желали что-то стряхнуть. Руки со скрюченными пальцами они прижимали к бедрам, но только когда бежали. Действуя как обезумевшие животные, они кидались на военных, на друг друга, стараясь покусать.

Переглянувшись, доктор и девушка, поняли друг друга без слов. Вне сомнений, все трое родились в рубашках. Просто чудо, что они добрались до Кремля. Попадись они этим монстрам, неизбежно бы погибли.

Впереди высилась Никольская башня. И судя по траектории движения, их спаситель мчался именно к ней. Миновав Кремлевский проезд, сопровождавший их солдат что-то быстро сказал в рацию и не замедляя шага подскочил к воротам. Несколько быстрых ударов и вот открылись узкие едва заметные двери. Вчетвером, они заскочили внутрь. Не прошло и секунда, как за их спинами дверь вновь захлопнулась.

Кремль

Первое что бросилось в глаза – множество боевой техники, словно вот-вот должен был начаться майский парад. Чуть поодаль группа таких же напуганных людей, которых куда-то вели. На секунду показалось, их ведут, как арестантов, нацелив в спины оружие. Заметив это, Кристина скользнула взглядом по солдату и поняла, что не ошиблась. В то время, как они глазели на танки, мужчина незаметно перестроился и теперь оказался за их спинами, превратившись из спасителя в конвоира. Его палец неизменно лежал на курке.

Девушка почувствовала, как задрожали коленки. После всего пережитого хотелось только одного – оказаться в тишине своего дома. Она смотрела на ракеты, мощную броню танков, вооруженных до зубов солдат в респираторах, и вдруг с ужасающей ясностью осознала, что двери за их спинами закрылись навсегда. Привычного мира больше нет. Он уничтожен, превращен в прах. В тот же самый миг над головой раздался пронзительный крик. По небу черной пеленой летели птицы, заслоняя собой облака. Их сотни, а может быть тысячи. Стая за стаяй они стремительно покидали город и словно прощаясь, посылали на землю тревожные крики.

Сжав зубы, девушка изо всех сил пыталась побороть панику. Мозг посылал отчаянные сигналы шагать дальше, но тело не слушалось, замедляясь. Это усталость. А еще жар, страх и горе. Нельзя, мне нельзя сдаваться, только не теперь – твердила она себе. Но сколько бы ни уговаривала, кольцо вокруг горла сжималось все сильнее. Жар полыхал снаружи, полыхал внутри. Где-то там в области солнечного сплетения она остро ощущает, как жжет, набухает тугой комком чувств, готовый в любой момент развязаться. Тех самых чувств, что она старательно высушивала и лентами сворачивала под сердцем последние месяцы. Перед глазами плыли лица родителей и друзей.

Данила пристально разглядывал спасенных. Мужчина и мальчик подозрений не вызывали. Не смотря на испуг, они вели себя довольно смирно. А вот поведение девушки оставляло вопросы. Глаза выглядели воспаленными, она держалась за правый бок и дрожала. За послед-

ние дни Данила достаточно насмотрелся на зараженных, кидающихся на людей, словно бешеные псы, а потому был крайне напряжен. Когда вокруг творится полное безумие, любое отклонение от нормы – угроза. Не сводя с нее глаз, Дэн отсчитывал – одиннадцать, двенадцать...прикидывая через сколько секунд нажать на курок.

– Нет, прошу вас, это всего лишь шок. – Взмолился доктор, заметив реакцию солдата. Он сделал шаг вперед и мягко вытянул руку вперед, словно желая отвести автомат в сторону. – Не стреляйте.

Краем сознания она понимала, что происходит что-то нехорошее. Но ни сил, ни желания вникать больше не осталось. Медленно подняв голову, девушка встретилась глазами с военным.

Поймав этот взгляд, полный невыплаканных слез, Дэн на секунду замер. Было в нем нечто такое, что заставило его задержать дыхание. Голубой цвет радужки сгустился, превращаясь в глубокий антрацит. Точь-в-точь как небо, когда взмывая выше облаков, приближаешься к стратосфере. И где-то там в потаенном уголке живота, он вдруг почувствовал знакомое волнение. Ее глаза таили в себе бесконечность и большую опасность... двадцать пять, двадцать шесть...тридцать. Дальше считать не имеет смысла. Отведя автомат в сторону, Дэн заметил, как из глаз девушки заструились слезы. Страх, напряжение и ужас этого дня сломали бы кого угодно, что уж говорить о молодой девчонке. Само по себе чудо, что они выжили в метро.

– Все в порядке, – сказал он, желая хоть как-то сгладить произошедшее. – Обычная мера предосторожности.

Мальчик бросился к девушке и обнял. Наверное, брат – подумал Дэн. Она слишком молода, чтобы иметь такого взрослого ребенка.

В этот момент, прижимая к себе Кирилла, Кристина молилась только об одном. Чтобы все побыстрее закончилось. Сквозь одежду, она чувствовала, как полыхает его кожа, как тяжело и гулко в груди бьется детское сердце.

– Следуйте за мной, – сказал Данила, и быстрым шагом направился в сторону соборов.

Ивановская площадь

Со стороны Ивановской площади к Никольским воротам бежала группа солдат. Все как один в черной защитной форме и пластиковой маске с респиратором. Один из них отделился и подбежал к Дэну. Напряженный взгляд холодных глаз подкреплялся очками и упрямой линией широких бровей. Этот точно бы прикончил – пронеслось в голове у доктора. Из-под маски слышался резкий мужской голос:

– Это вы из метро? – Окинув холодным взглядом спасенных, солдат понял, что от мальчишки и девушки ничего не добиться, а потому следующий вопрос адресовал мужчине, – есть там кто живой еще? У меня приказ прошерстить станции.

– Это верная смерть, – дрожащим голосом предупредил доктор, – никого кроме трупов и... этих – он кивнул в сторону стены и нервно сглотнул, – существ... там нет.

– Я так и думал, – мрачно заметил солдат в черном. И поднес к губам рацию. – Полковник, прием. У нас люди из метро, говорят в подземке кроме визгунов не осталось.

– Вас понял, – раздался зычный мужской голос. – Отступайте.

Кивнув, он вновь обратился к товарищу:

– Я за периметр, через минуту отходим. Пора с этим заканчивать.

– Шальной... – Данила чуть помедлил и все же добавил, – возвращайся.

– А как иначе?! – Усмехнулся он в ответ. Но тут его взгляд вновь стал серьезным, – этих, – он кивнул в сторону его спутников, и не церемонясь, пояснил – в отстойник.

Через секунду незнакомец в черном уже мчался к воротам.

Слово «отстойник» категорически не понравилось, но возразить они не успели. Воздух содрогнулся от мощных взрывов. Под ногами задрожала земля. Звуковая волна быстро

настигла путников, на время оглушив и ослепив их. Заметив, как вздрогнула и сжалась девушка, Данила громко пояснил:

– Взрывают выходы с ближайших станций. Вы – последние, кто вышел оттуда живыми.

Взгляды Дока и Кристины невольно метнулись на стены. Они выжили, а сотни других пассажиров навсегда остались в подземке. И чем громче становились взрывы, тем отчетливее Кристина слышала мелодию в своей голове. Протяжный плач скрипки, мрачная торжественность органа... Кажется, это Моцарт. Реквием.

Санитарный пост

Успенский собор опоясывало тройное кольцо военных. Миновав всех, они вплотную подошли к дверям. По обе стороны стояли две наспех сколоченные из досок и обтянутые брезентом кабинки. Солдаты, охранявшие вход, приказали раздеться, сдать личные вещи и занять кабинки. Едва оказавшись внутри, Кристина почувствовала, как сверху из душевой лейки на нее хлынула вода с острым химическим запахом. Кожу нещадно щипало, но она терпела. После обработки им выдали новую одежду. Кое как отжав волосы, Кристина натянула на мокрое тело футболку и джинсы, на два размера больше необходимого. Пришлось поддерживать пояс, чтобы одежда не свалилась. Кириллу и доктору повезло больше, им выдали одежду почти в пору. С обувью тоже пришлось расстаться. Взамен резиновых сапог военные указали на огромный контейнер с различной обувкой, откуда Кристина выудила две пары сланцев.

Их прежние вещи тут же кинули в костер, полыхавший в металлическом баке неподалеку. Заметив у одного из военных свой рюкзак, Кристина не сразу догадалась, что вещи постигнет та же участь. Паспорт, лекарства, телефон... все сгорит. Фотографии родителей! Сделав над собой усилие, ей удалось пробить брешь в усталости и безразличии, панцирем сковавших ее разум. Кинувшись вперед, девушка взмолилась:

– Пожалуйста, отдайте рюкзак! Прошу вас! Там фотографии родителей, – в отчаянии вскричала Кристина, – это все что у меня осталось от них...

Но по каменным лицам военных стало ясно, любые мольбы бесполезны.

Данила наблюдал всю сцену издалека. Со одной стороны он понимал солдат, которые действовали согласно приказу. Уничтожению подвергались все личные вещи выживших. Это необходимая мера, дабы пресечь любую вероятность заражения. С другой стороны, он искренне сочувствовал девушке. В ее голосе звучало столько горя, что не выдержав, он подошел к дежурным:

– Парни, дайте рюкзак, я отнесу его на обработку.

После секундного колебания, рюкзак оказался в его руках.

Успенский Собор

В новой одежде и обуви их пропустили в собор.

Потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку. Свет поступал сюда через высокие арочные окна, расположенные под самым потолком. Просачиваясь сквозь мутные стекла, солнечные лучи скользили по золотым ликам святых и опускался на сотни склоненных голов. В храме томилось множество людей. Человек двести, может триста. Мужчины, женщины, дети, но последних крайне мало. Люди сидели прямо на каменном полу, большинство плакали, некоторые молились, оставшиеся просто смотрели в пустоту перед собой. На лицах растерянность, обреченность и страх.

Все это напоминало картины Средневековья, когда во время чумы или холеры люди вот также собирались в храмах и церквях, в надежде спастись от страшного мора.

К вновь прибывшим подошел человек – как в скафандр, укутанный в желтую защитную спецодежду. Он поочередно взял у них кровь, спросил фамилию, возраст, подписал пробирки,

после чего скрылся за дверями. На время от них отстали, предоставив самим решать, где и как размещаться.

Доктор не оставлял своих подопечных ни на секунду. Вместе они подошли к одной из колонн, и устало опустились на пол.

– Послушай у тебя жар, – с беспокойством сказал доктор. Прохладная рука легла на разгоряченную кожу.

– Ничего страшного, это реакция на прививку от Гепатита, – спокойно пояснила девушка. То ли от высокой температуры, то ли от увиденных ужасов, клонило в сон. Перед глазами все плыло, а в голове сплошная вата. Внезапно ее внимание привлек военный. Это был тот самый солдат, что вывел их из метро. Он остановился недалеко от входа и огляделся. Отыскав их глазами, мужчина подошел и протянул рюкзак.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Кристина и постаралась разглядеть благодетеля. Но свет бил четко по глазам, рисуя вокруг мужчины золотистые круги и мешая увидеть лицо. – Скажите, как вас зовут?

– Это не важно, – кинул он и через секунду уже выбежал обратно туда, где нарастала истерия, а взрывы становились все громче.

Девушка прижала брата к себе и подложив рюкзак под спину откинулась назад. Кирилл утих и доверчиво положил голову ей на плечо. Вокруг громыхали взрывы и солнечный свет рябил от дыма и пыли, но вдруг все стало таким **не важным**. Закрыв глаза, Кристина увидела родителей. Они больше никогда не окажутся рядом, мама никогда не погладит по голове, отец никогда не объяснит сложную лекцию. А мир никогда не станет прежним. И это «**никогда**» не могли заглушить ни страх, ни высокая температура. Это «**никогда**» молотом громыхало в ушах, заглушая все вокруг. И когда под ногами вдруг затрясся пол, а с потолка посыпалась штукатурка, девушка лишь сильнее прижала к себе брата. Взрыв, еще один, еще... Сердце протяжно ныло. Кирилл обожал маму, а мама души не чаяла в нем. Они были неразлучная парочка, всегда и везде вместе. Вместе в магазин, в школу, уроки, он даже вставал ранним утром, только чтобы быть рядом с ней, когда она красится, укладывает волосы... Как ему сказать, что мамы больше нет? Как? Пол заходил ходуном, кто-то не выдержав, закричал. Паника перекинулась на других людей. Они жались к полу, кричали, плакали... взрывы следовали один за другим. С потолка беспрерывно сыпалась штукатурка, иконы ходили ходуном. Казалось еще немного и стены древнего храма рухнут. Кристина лишь сильнее стиснула зубы и брата. Она всегда была папиной дочкой. В детстве отец садил ее на колени и часами рассказывал о человеческом организме, болезнях и удивительном мире вирусов. Он любил ее, хотя и редко проявлял свои чувства, но Кристина всегда это знала. Как знала и то, что когда-нибудь он умрет. Но никогда не думала, что это произойдет так скоро. Боже, как больно! Глухие, тяжелые удары сотрясали все внутренности, отбивали чечетку на зубах, считали позвонки на спине, взрыв, еще и еще... а потом вдруг так тихо, что не понять: живы они или все-таки умерли?

– 2.

Дэн резко открыл глаза. Будильник продолжал настойчиво трезвонить, заглушая рев двигателя, все еще звучащий в его голове. Моргнув, он приподнялся на локте и огляделся. Кабина пилота и огни взлетной полосы исчезли, вместо них перед глазами возникли унылые стены и смятая постель. Одним выверенным движением мужчина хлопнул по будильнику, заставив чертов механизм заткнуться. Это был древний заводной будильник с чудовищным дребезжающим звуком. И они с самого начала люто возненавидели друг друга. Нет, надо все-таки поискать будильник на батарееках, пока в магазинах еще что-то оставалось. Кинув полный ненависти и отвращения взгляд на циферблат, он спустил ноги на холодный пол и провел ладонью по лицу. После снов о прежних полетах, на душе особенно погано.

Сегодня их группе предстоит плановый рейд. Пришло время пополнить запасы провизии и разведать обстановку в городе. К этому моменту все окрестные магазины были уже опустошены. Солдаты успели пройти по ГУМу, Европейскому, вычистили Атриум на Курской и Капитолии. Большие магазины успели закрыться задолго до начала мародерства, а потому на складах еще оставались запасы еды. Чего нельзя сказать о небольших продуктовых лавках, те оказались пустыми еще в начале эпидемии.

Кроме продуктов брали теплые вещи, инструменты, топливо, словом все товары, представлявшие хоть малейшую ценность для лагеря. До того момента, когда на карте появлялся очередной жирный крест, указывающий на то, что делать там больше нечего, можно было совершить 5—6 ходок. Так случилось и с Ашанами, расположенными по третьему транспортному кольцу. Вернувшись из последнего рейда, четвертая команда сообщила, что брать там больше нечего. Пришлось искать новый магазин.

Радиус рейдов неизбежно расширялся. Дэн это предвидел, только не подозревал, что окрестные магазины опустеют так скоро.

Сегодня, согласно заранее разработанному маршруту, его команде предстояло забраться немного дальше обычного. В это раз путь пролегал на юго-запад Москвы в торговый центр Гагаринский. Если верить рассказам бывшим жителям того района, внутри находился огромный гипермаркет еды. Открыв этот маршрут, Дэн тем самым прокладывал путь другим командам. Но радости от этого он не испытывал. Предстояло проводить операцию на большом открытом пространстве. А это всегда связано с большим риском. Под любым прилавком, за любой витриной могла прятаться тварь. И чем больше пространство, тем больше нежити там скрывалось.

Нет, за себя Дэн не переживал, даже из самых патовых ситуаций он умел найти выход. А вот некоторые из его ребят, к сожалению, таким везением похвастаться не могли.

– 3.

Буржуйка давно погасла и в комнате стоял собачий холод. Но казалось мужчина этого не замечает. Мысленно настраиваясь на трудную дорогу, Дэн подошел к раковине, взял большую железную кружку и зачерпнул из ведра. От ледяной воды сводило челюсть, но это не помешало ему дочистить зубы, намочить в ведре полотенце и быстро растереть им тело. За окном еще темно. Точнее теперь там всегда было темно. Электричества в городе нет с тех пор как эти гады дожирали последних людей.

Взяв с крючка одежду, мужчина быстро натянул зимние штаны и свитер. На втором крючке висела легкая крутка. Вообще его комнату можно назвать спартанской. Умывальник, два крючка и деревянные поддоны, которые он превратил в кровать, поставив их один на другой и кинув сверху матрас. Масляная лампа на подоконнике и буржуйка у окна. Вот, пожалуй, и все. Но он не жаловался. Другим повезло меньше. Из-за недостатка места ребята были вынуждены селиться по двое, а то и по трое человек. А ему досталась целая комната. Хоромы по нынешним меркам.

Выйдя из комнаты, Дэн натянул шапку и на ходу застегнул куртку. Дойдя до конца коридора, он спустился по лестнице и вышел во внутренний двор Арсенала. Оказавшись на улице, мужчина сделал глубокий вдох и почувствовал, как легкие заполняются свежим морозным воздухом. Начало ноября в столице выдалось морозным. Приглядевшись, Дэн понял, что ночью вновь шел снег. Судя по глубине следов, оставленных тяжелыми солдатскими ботинками, выпало сантиметров пять. Нужно проверить шины перед отъездом – промелькнуло в голове.

Миновав арку, он двинулся в сторону Никольской башни. Команда уже собиралась. Площадь заливал полумрак, однако его глаза различали шесть одиноких фигур.

– 4.

Все солдаты размещались в комнатах Арсенала и Потешном корпусе. В Башнях устроили дозорные пункты, где солдаты дежурили посменно. Для штатских переоборудовали треугольное здание Сената. Места хватило всем. Грановитую и Оружейную палаты с их богатым убранством и сокровищами закрыли от греха подальше. Масштабные строения, вроде Кремлевского дворца, для проживания совсем не годились. Большие, холодные, их не отопишь и не переоборудуешь под комнаты. Им нашлось другое применение – продовольственные и технические склады.

Из соборов пользовали Успенский. Благодаря одному воцерковленному пареньку – Лешке Дьячкову, там всегда горели свечи, особенно в те ночи, когда солдаты уходили в рейд. Какие бы сложные времена ни наступали, а русские все одно – тянулись к церкви. С верой оно как-то спокойнее.

Всего в Кремле укрылось чуть больше тысячи человек, еще около двухсот удалось привезти из спасательных рейдов. Несколько человек пришли сами ночью. Просто удивительно, как им удалось избежать смерти. Когда послышался шум у ворот, дозорные чуть не убили их, приняв за нежить. Однако это были люди, немного запыленные, испуганные, голодные, но живые!

Примерно половина лагеря – молодые мужчины – солдаты. Женщин меньше, самая малочисленная группа в лагере – дети. Людей старше пятидесяти – единицы, несколько иностранцев. Стариков нет. Они просто не дошли. Когда по радио и ТВ объявили об эвакуации, никто не знал, что монстры перешли в последнюю стадию агрессии. Так что в Кремль сумели добраться единицы.

Новой мутации Эбола понадобился один день, чтобы окончательно захватить город. Как вспышка молнии, он поражал свои жертвы, превращая их в чудовищ. Достаточно было укуса, соприкосновения слизистыми и вирус захватывал человеческий организм, навсегда перепрограммируя его. Требовались считанные минуты, чтобы после жесточайшей агонии, когда из глаз, ушей, носа рта хлестала кровь, а кожа лопалась от набухших вен, человек вновь мог подняться и бежать. Бежать, не взирая ни на что, бежать с одной целью – в поисках еды.

Поначалу оставшиеся в живых часто задавались вопросом – как и почему произошла мутация вируса, а главное почему никто не забил тревогу раньше, чем мир пал... но вопросы, так и остались без ответов. Да и у кого было спрашивать? Все ученые, политики мертвы. Разве что у Крамара, но и тот мог только предполагать. Как он объяснил, агрессия, которую в начале принимали за помутнение рассудка, была основным проявлением нового штамма Эбола. Вирус тоже учился, прощупывал, выбирал наиболее живучую форму существования, пока не вывел идеальную, превратив людей в голодных монстров. Ведь любой укус, любой контакт с человеком заканчивался заражением. А значит, цель вируса достигнута! Он заполучил нового инкубатора для дальнейшего размножения.

– 5.

Под ногами громко и рублено захрустел снег, вторя настроению Дэна и вместо Сенатской площади, припорошенной снегом, перед глазами стояло марево огня.

Москва горела. Первое время на небосклоне то и дело вспыхивал новый пожар. Было ли это делом последних людей, пытавшихся защититься от монстров или обычные замыкания в опустевших зданиях, никто не знал. Но каждый раз наблюдая, как пламя пожирает очередной дом, в душах людей все отчетливей ощущалась пустота. Никто не потушит эти пожары. Никто не примется восстанавливать здание и в новостных сводках тоже ничего не покажут. Просто потому что в живых больше никого не осталось.

Иногда из-за стен доносились выстрелы, крики. Четыре недели солдаты выезжали на подмогу, пытаясь хоть кого-то спасти. К ним часто обращались с просьбой заехать в такой-то район, посмотреть такой-то дом. Мужчины умоляли, женщины плакали, прося отыскать дочь,

сына, мужа, жену, друга... Солдаты кивали, прочищали один за другим районы Москвы. Отрадное, Марфино, Алексеевский, Савеловский, объехали Лефортово, Ясенево, Бутово... но везде их встречала лишь смерть.

Выезжали на танках. Правда, из-за последнего решительного боя, когда солдатам пришлось отбиваться гранатами, большинство транспортных развязок и мостов были разрушены, приходилось искать пути объезда. Из-за обилия трупов и брошенных автомобилей обычные машины не справлялись. Даже «Урал» стопорился из-за машинных заград. А Арматы проходили запросто. Одновременно расчищая улицы города для дальнейших рейдов. Правда, шумели сильно, но довольно скоро выяснилось, что твари в темноте не видят. Так что ночи стали единственным возможным временем для выезда в город. Позади колонны всегда ехал «Урал» для выживших.

Поначалу почти всегда удавалось вернуться с людьми. Два-три человека, если повезет – целая семья присоединялась к лагерю в Кремле. Но примерно через месяц все **окончательно** стихло. Даже огонь. В городе остались только твари.

– 6.

Один спасательный рейд был особенным. Даже сейчас вспоминая те события, Дэн почувствовал, как внутри что-то протяжно заныло. В одну из спасательных операций их «Урал» в сопровождении двух «Армат» проезжали по Проспекту Мира. Все солдаты были начеку, пристально вглядываясь в застывший мир за окнами машин. Двигались медленно, стараясь ничем не выдать своего присутствия. За каждым углом, в каждой подворотне таились монстры. Стоило замедлиться, не погасив фар, и полчища обезображенных тел стремглав неслись навстречу колонне, разекая голодные пасти. К тому моменту все уже знали, против монстров срабатывает только огонь. А потому за плечами каждого солдата теперь висели баллоны с горючим, а в руках надежно лежала винтовка огнемета.

Почти в самом конце проспекта они заметили флаг. Посреди замершего, вмиг посеребрившегося города, на осеннем ветру вилял российский триколор. Со стороны он выглядел абсурдно и явно казался лишним... но только не для них. Для команды спасателей это был знак, надежда найти выживших. Шальной заметил флаг первым и указал на здание остальным. Все тут же напряженно уставились на окна, надеясь заметить хоть какое-то движение, малейший признак жизни. Водитель чуть сбросил газ, вся колонна теперь двигалась медленнее. Но время шло, а окна молчали. И тут робко, как лучик солнца, в окне показалось детское лицо, еще одно, затем еще и еще. Живые! Тут же по рации раздалась громкая команда сворачивать. Колонна ушла направо во внутренний двор школы. Миновав ворота, машины остановились – одна чуть дальше крыльца, вторая за ним, чтобы было легче в случае опасности обороняться.

У главного входа значилось: гимназия 1518. Выводить детей из здания было верхом безумия. Скорее всего, он сплошь кишит чудовищами, а потому единственный способ их спасти – спустить сверху.

Действовали быстро, сценарий был уже отлажен: одна часть солдат выстроились в круг, держа оружие наготове. Другие в центре между машин растянули сетку. Сверху послышалось, как распахнулось окно, через секунду показалось лицо учительницы. Командир жестами объяснил, что нужно сохранять тишину и прыгать по одному. Вскоре на сетку приземлился первый ребенок. Это была девочка лет семи, косички растрепаны, платье порвалось, взгляд затравленный, еле жива от страха. Девчущку быстро перенесли в «Урал». Вскоре одни за одним, словно горох, из окна посыпались дети. В классе помимо учительницы было несколько матерей. Из соседнего окна они скинули уже готовый трос, связанный из штор, и также начали спускаться по одному.

Когда на земле оказался девятый ребенок, из-за угла показались гости. Их было четыре, а позади еще шесть, сначала робко, точно присматриваясь к свету фар, шаг за шагом, затем все

быстрее, когда до машин оставалось несколько метров, они рванули вперед. Раскрыв черные рты, чудовища норовили с разбегу впиться в плоть. Мучимые жутким всепоглощающим голодом, единственная цель их существования сводилась к одному – утолить его. Реакция последовала незамедлительно. Солдаты только и ждали этого, угостив мертвяков первой порцией огня. Обугленные останки, падали как головешки, но по ним лезли уже другие...

Вспоминая об этом, Дэн передернул плечами. Но не от отвращения, он готов был лично раздавить ботинком каждую мразь, что затаилась в трещинах города. Он никак не мог забыть, что происходило потом. Когда их атаквали сотни визгунов, те, кто держал сетку, вынуждены были все бросить и взяться за оружие. Нужно было спасти детей, успевших покинуть школу и самих себя. Но одержимые страхом, дети прыгали с третьего этажа прямо на голый асфальт... Говорят, когда падает ребенок, Господь подкладывает подушку. Среди школьников были старшекласники и совсем маленькие ученики. Всего 24 человека. Они спаслись все, даже те, кто прыгал из окон. В этот раз Бог и вправду их не оставил. А вот командир погиб.

– 7.

Карьера военного складывается быстро, когда старшие товарищи умирают каждый день. За три месяца Данила Зорин из рядового солдата стал командиром отряда. Всего-то понадобилось немного смелости, честности и соображать чуть быстрее остальных.

Полковник Соколовский заметил этого добровольца сразу, а потому едва командир пятого отряда погиб, как на его место тут же назначили Зорина. Поскольку команда досталась Даниле «по наследству», соблазн кое-кого заменить был очень велик, однако он стал трогать состав. Думал, притрутся.

Ребята собирались у подножия Никольской башни, в подсобке которой находился склад боеприпасов.

– Ну что девочки пошопимся? – Послышался насмешливый голос Шального. В темноте из-под очков сверкнули веселые глаза. Солдаты в ответ загоготали, поддержав друга новой порцией шуток.

– Конечно, напомните заглянуть в Шанель, мои эскадрильи совсем износились, – признался Андрей и посмотрел на грубую солдатскую обувь, припорошенную снегом.

– Боже, откуда ты знаешь такие слова... Шанель, эскадрильи... – лицо Рыжего исказилось в притворном отвращении.

– Да пошел ты, – возмутился собеседник и подкрепил слова резким толчком в бок. Рыжий не растерялся:

– Прости красавица, если обидел тебя, – слышались новые взрывы смеха, но едва командир приблизился, как веселье резко пошло на убыль.

Данила поздоровался. Михей с Игорем опаздывали. Наверняка, заглянули перед выходом в гараж. Кроме них все были в сборе. Поджидая ребят, Данила невольно взглянул на угловые окна Сената. Свет в одном из них он заметил сразу. Как и прежде, она не спала. В призрачном цвете масляной лампы угадывались лишь очертания фигуры. Поначалу, во время первых рейдов, Дэн думал, что девушку просто мучает бессонница. Многие в лагере страдали от кошмаров, превращавших ночные часы в мучение. ... Но довольно скоро, он вычислил, свет в ее окне горит лишь в те ночи, когда именно его команда выступает в рейд. И это приятно волновало.

Отсюда не разглядеть, но он помнил два крыла черных бровей, изящно взмывавших вверх, и бездонную синеву ее глаз, в которой крылась бесконечность. Да, эти глаза дорогого стоили. Именно в них свое отражение Дэн любил больше всего. Она смотрела на него так, словно в его власти было остановить это безумие.

Тогда и сейчас.

Девушка стояла, прижавшись лбом к стеклу, и неотрывно следила за улицей. На секунду она повернула голову, и в окне мелькнул знакомый профиль: округлый лоб, аккуратный чуть

курносый нос и упрямая линия губ. Кристина была красивой, а еще она производила обманчиво-милое впечатление. Особо бойкие солдаты уже поплатились за самонадеянность, наивно посчитав ее простушкой. Их неумелый флирт довольно быстро пресекался парой колких фраз. Она всегда была до невозможности прямолинейна, но не всегда ей это шло на пользу. За три месяца проведенных в лагере, за Кристиной прочно закрепилась репутация резкой на слова и действия гордячки. Но именно это ему и нравилось.

– 8.

Кристина кинула тревожный взгляд на ворота Никольской башни. Они единственные не заколочены досками и не завалены камнями. Именно через Никольские ворота совсем скоро пятая команда выедет за периметр. Дэн с ребятами будут вновь рисковать своими жизнями ради лагеря. И вновь столкнутся с **ними**... нежить, мертвяки, визгуны, зомби, твари, как их только не называли солдаты, попутно рассказывая разные небылицы про мутации, вроде трех ног, чешуи, хвоста и прочей ерунды. Но Кристина в эти бредни не верила. Еще со времен учебы она усвоила, для возникновения мутаций необходимо воздействие радиации, биологический же механизм вирусов действовал иначе. Он захватывал живые клетки и инфицировал их, чтобы продолжать жить, размножаться и эволюционировать. Передать свой геном и реплицироваться, создать себе же подобных – вот их главная цель. А человек в этой игре всего лишь огромное биологическое поле. Эбола поработил Землю, превратившись из пассажира в хозяина и лишив своих жертв разума, памяти и жалости.

Вспомнив самое жуткое в своей жизни путешествие по подземке, Кристина передернула плечами. До сих пор ночами ей мерещилось жуткое чавканье этих тварей. Иногда, влекомые звуками и запахом, существа подбирались к стенам Кремля. Можно было рассмотреть изуродованные вирусом тела, свирепый голодный взгляд и до-странности жуткое поведение, больше напоминавшее животных. Солдаты их отстреливали, но не проходило и дня, чтобы гости не наведывались вновь.

И только доктор Крамар по-прежнему считал, что это все еще люди. Он искренне верил, что тварям можно вернуть человеческий облик. И конечно же, он отвергал всякую ересь про ходячих мертвецов и зомби. Профессорское звание требовало от него прежде всего анализировать факты, а к народному фольклору относиться снисходительно. Кристина уважала его точку зрения, но положила руку на сердце, не верила, что чудовищам можно вернуть человеческий разум. За это время она увидела достаточно, чтобы убедиться, точно так же как вирус уродовал тела, Эбола повреждал мозг. Еще со времен учебы в память запал снимок мозга коровы, пораженной бешенством. Из-за крошечных полостей серое вещество напоминало губку. Вирус буквально выел часть клеток, как и связи между ними. И никакая вакцина не способна это исправить.

Во что она действительно верила и страстно желала, так это найти спасительные антитела к Эбола. Это станет новым шансом для человечества. И тогда эволюционная ветвь *homo sapiens* не канет в лету, а сможет продолжить свое существование на Земле. А еще Кристина искренне желала помочь солдатам. Они по-прежнему умирали, добывая для лагеря еду, одежду и медикаменты. И любая царапина, укус оказывались для них смертельными. А потому каждый раз провожая Данилу в рейд, она **по-настоящему** молилась.

– 9.

Вопреки морозному утру и предстоящему опасному рейду на лице Дэна заиграла легкая улыбка. Очертания девичьей фигуры в окне отдавалось теплом в груди. Им не часто приходилось общаться. Однако, в отличие от других жителей Кремля, Кристина никогда не отводила взгляда. В моменты, когда он выходил из себя пасовали взрослые мужики, а она продолжала смотреть прямо на него. Всегда в глаза.

А что это значит? – тут же одернул сам себя Дэн и помрачнел, – а это значит, что она безрассудная, своенравная девица, от которой лучше держаться подальше! Да, стоит признаться, девушка влекла своей недоступностью, закрытостью и этой загадкой в глубине синих глаз. Одна часть Данилы тянулась к ней, другая же злобно кричала – не лезь! Он слишком хорошо усвоил уроки прошлого. Еще будучи пилотом, в его сознании прочно укрепилась мысль – никаких привязанностей. Чувства увлекали в заоблачный мир. Малейшая оплошность, несвоевременная мысль, отвлекающая от управления самолетом, и небо мгновенно опрокинет тебя вниз. Став командиром отряда, он быстро понял, что новая профессия очень похожа на пилотирование. Любая слабость – это гарантия глупейших ошибок, цена которых человеческие жизни.

А потому он отвернулся и больше ни разу не взглянул в ее окно. Как бы ни льстило внимание Кристины, главного это не меняло. Уже давно он вывел и утвердил для себя правило жизни – трезвый ум и холодное сердце.

– 10.

Новый поток мыслей, словно волна, смыли возникшую было радость, вернув все на свои места. Парни продолжали гоготать, подкалывая друг друга. Их голоса эхом разносились по площади и мягко тонули в белой пелене снега. Вот уж кого не брала ни беда, ни горе. Вкалывая с утра до ночи, балансируя на грани жизни и смерти, солдаты не унывали, находя силы шутить.

– Рыжий, завязывай, – раздраженно кинул Дэн и, дойдя до полога санитарной зоны, резко развернулся.

– А, че сразу Рыжий? – Обиженно возмутился друг. Его веселый нрав был известен всем, а потому у Дэна не возникло сомнений, кто зачинщик утренних шуток.

Уловив настроение командира, ребята мигом утихли. Как раз подросли Михей с Игорем. Стоя лицом к команде, Данила пересчитал глазами присутствующих. Этим ранним утром на площади их собралось девять, он был десятым. – Все в сборе. Итак, нам предстоит очередной рейд за продовольствием. Напоминаю, ничего кроме – муки, консервов, соли, крупы... – он вновь обвел всех серьезным взглядом, – в общем, список вам известен, так вот ничего кроме этого **не брать!** Никаких фенечек, шмоток, – на Андрее его взгляд задержался чуть дольше. В ту же секунду пухлое, больше похожее на детское, лицо солдата скромно потупилось. И оба прекрасно знали почему.

Девушка Андрея, с которой он познакомился и сошелся в лагере, умело пользовалась его положением, подговаривая молодого человека привозить из рейдов что-нибудь ценное. А двухметровый Андрей с кротостью ласкового теленка на все соглашался, рискуя жизнью, ради капризов любимой.

Дело в том, что в лагере можно было достать все или почти все, при условии, если у тебя есть что предложить взамен. Сделав гигантский виток, пережив деньги, биржи, интернет-магазины и прочие явления, история вернулась к истокам, доказав, что ничего более вечного, чем натуральный обмен, не существует. Деньги, драгоценности потеряли всякий смысл, превратившись в труху. Зато предметы первой необходимости: лекарства, теплые вещи, мыло, уголь, зубная паста – стали на вес золота. И солдаты, совершавшие рейды, частенько прихватывали из магазинов и складов различные товары, чтобы повыгоднее их обменять. Однако, Данила Зорин был против неоправданного риска, не позволяя своим ребятам брать что-либо, выходящее за рамки необходимого.

– Разрешается только теплая одежда. Жителям требуются пуховики, сапоги и прочее. Но это в самом конце, – он прочистил горло и невольно вновь взглянул на окно. Девушка все еще была там и наблюдала на происходящим на площади. Одернув себя, Дэн заставил себя сосредоточиться на рейде, – Игорь, бензин, тормоза, колеса – все проверил? В прошлый раз что-то стучало в подвеске, не хочу обнаружить это, удирая от мертвяков.

– Все проверил, подвеску перетрясли накануне, – отрапортовал бывший пехотинец. – Вместе с Михеем разбирали.

Кинув взгляд на его напарника – невысокого, но коренастого Михаила, Дэн удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Дима, карты при тебе? – Получив утвердительный ответ от спецназовца, скорость и нрав которого обеспечили ему прозвище «Шальной», Дэн перевел взгляд на Сергея, бывшего десантника двадцати шести лет. Добрейший человек с лицом убийцы. Благодаря внушительным габаритам и неожиданно миролюбивому нраву ребята прозвали его – Пух, – перчатки взял?

В прошлый раз «Урал» так подпрыгнул на кочке, что руль выбился из рук водителя, и машина чуть не улетела в бетонный забор. Случись это, всех их бы просто сожрали. Сейчас каждая мелочь имела значение.

Вместо ответа Сергей поднял одну руку пальцами вверх, демонстрируя новые кожаные перчатки с наполовину обрезанными пальцами. Где он их достал, оставалось только догадываться. Десантник, одним словом. Удовлетворенно кивнув, Дэн скользнул взглядом по лицам ребят.

Столь же четко, как когда-то на службе в гражданской авиации, Данила распределил роли. Шальной был проводником и следил за маршрутом. Карта местности, и если повезет – план здания всегда при нем. Случись команде оказаться в преисподней, будь уверен, Шальной их выведет даже оттуда. Данила познакомился с ним, едва попав в отряд новобранцев. Серьезный взгляд, крепко сидящие очки и преждевременная лысина. Ему пришлось повидать многое, пройти сквозь непонимание и отчаяние, когда после травмы сильно упало зрение, и его попросили из родного Спецназа. Но он выстоял и когда потребовались добровольцы для патрулирования Москвы, не сомневаясь присоединился к военным. Данилу потребовался один выезд с Шальным, чтобы по достоинству оценить этого непростого, но без сомнений, надежного человека. **Такого** очки не испортят.

За техническим состоянием машин и огнеметов следил Игорь. Молчаливый с людьми, зато с техникой его связывали крепкие дружественные отношения. Конечно, в лагере были механики, но Дэн доверял только своим. Когда жизнь висит на волоске, места человеческому фактору нет. На подхвате у Игоря всегда был Михей.

Рыжий, знакомый ему еще со времен полетов, отвечал за провиант. Давал о себе знать опыт работы стюардом, где все должно быть четко разложено по полочкам и посчитано.

Артем и Никита обычно прикрывали тыл, молодые парни с острым, как лезвие бритвы зрением и превосходным чутьем. Они были новобранцами в Кремлевском полку. Свежий призыв, совсем зеленые, Дэну с товарищам пришлось порядком повозиться, прежде, чем они смогли выступать в рейдах. Конечно, до матерых волков им было еще далеко, но тем не менее парни неплохо справлялись с возложенной на них миссией. Михей и Иван – славились абсолютным бесстрашием, поэтому прикрывали команду по бокам. Сам же Данила всегда шел впереди. Часто компанию ему составлял Андрей, орудуя переносным пулеметом, он молниеносно добивал тварей.

Стоит признаться, они были не самой плохой командой.

– А теперь за пушками! – скомандовал Дэн и двинулся к башне.

– 11.

Ребята зашли в подсобку Никольской башни. Мгновение и их окутал густой запах солянки, машинного масла и железа. С наслаждением втягивая воздух, солдаты не торопясь подошли к заранее подготовленным огнеметам. Каждый старался присмотреть себе оружие получше.

Помещение освещала единственная в лагере электрическая лампа. Поскольку здесь хранился стратегический запас оружия и огнесмеси, жечь свечи категорически запрещалось. Электричество подавалось от небольшого генератора, обнаруженного в Кремлевском дворце. Заслышав шум, из вороха старых одеял показалось заспанное лицо Тимофея. Обнаружив в гостях всю пятую команду, мужчина проворно вскочил. Узловатыми и почерневшими от ремонтных работ пальцами он потер глаза, пытаясь проснуться. Это был тщедушный невысокого роста мужичок сорока пяти лет в спортивных штанах и куртке накинутой прямо на голое тело. Он что-то невнятно буркнул про сон и махнул рукой в сторону огнеметов, ровным рядом стоявших вдоль стены.

– Оба баллона заправил? – Строго спросил Дэн и недобро зыркнул в сторону Тимофея. Все знали, погулять тот был не прочь. Бывало на два-три дня в запой уходил, и ищи его по всему Кремлю. А однажды после очередной гулянки выдал второй команде огнеметы заправленные только на половину. В тот раз все обошлось, но случись им столкнуться с мертвяками, долго бы ребята не продержались. С тех пор доверие к Тимофею было подорвано.

– Само собой, – обиженно буркнул горемыка и отвел глаза в сторону.

Стоило признать, не смотря слабость к выпивке, во всем лагере не сыскать второго столь же одаренного технаря, как Тимофей. Он мог часами возиться с техникой, позабыв обо всем на свете. Мог устранить любую поломку, и уже много раз выручал лагерь. Чего только стоило его усовершенствование огнеметов! Если до этого огнемет стрелял непрерывной струей, и требовал перезарядки после 3-х залпов, то после того, как Тимофей посидел в обнимку с одним из них двое суток, огнемет стал работать как надо: одного баллона теперь хватало на 10—15 коротких залпов или 7 длинных. Такое оружие идеально подходило для рейдов, позволяя отстреливаться от мертвяков в любом помещении, не рискуя при этом поджариться самим.

Всего в арсенале лагеря было тридцать таких огнеметов. Десять постоянно использовались в рейдах, остальные числились в запасе. Огнесмесь тоже готовил Тимофей. По своему рецепту, он смешивая разные виды горючего в адский бульон, жаривший хлеще огня в преисподней.

– 12.

Данила склонился над огнеметами и взял рукоятку одного из них. Оружие находилось в превосходном состоянии. Ухоженное, тщательно смазанное, оно производило впечатление надежного добротного помощника. Будь уверен, такое не подведет. Впечатления не портили даже небольшие царапины на стальной поверхности рукоятки. Очищенная от копоти она продолжала завораживающе поблескивать в свете лампы. Мужчина двинул затвор и убедившись, что тот пошел плавно, удовлетворенно хмыкнул.

Вооружившись, ребята вышли из подсобки за командиром и направились в санитарную зону. Огнеметы пока несли в руках. Сначала предстояло надеть защитные костюмы из огнеупорного материала, какие обычно применялись у пожарных, и только потом оружие. С улицы команда зашла под брезентовый навес. Здесь дежурный санитар каждому выдал защитный костюм и противогаз.

Защитные костюмы также пришлось чуть доработать, зато противогазы были в самый раз! С широкой панорамной маской, которая практически не сокращала обзора. Снабженная силиконовым подмасочником она не допускала запотевания, а двойное переговорное устройство обеспечивало нормальный речевой контакт.

И хотя кузов «Урала» тщательно обрабатывался после каждого рейда, как и спецодежда, парни нацепили противогазы прежде, чем залезть в кабину. Все знали, сколь высока цена оплошности.

– 13.

Под брезентом ждали санитары. Здесь же стоял «Урал» и «Армата». Поскольку маршрут был новым, сегодня выступали с танком. Пару раз пробовали выезжать в рейды на «УАЗах» и БМПшках более маневренных и легких, но мертвяки быстро облепляли их, случалось, выламывали стекла, лакомясь содержимым. Пришлось быстро забыть об этих машинах, как и о прочих «легковушках». Проехать на такой за периметром означало подписать себе смертный приговор, все довольно быстро это уяснили, а потому передвигались исключительно на тяжелой технике.

Санитар открыл ворота, выпуская команду за периметр. Показался Кремлевский проезд. Справа – изъеденная воронками от гранат Красная площадь. Впереди не менее живописная Манежка. Водителям приходилось неслабо маневрировать, чтобы объехать воронки.

Вскоре вывернули на Большую Якиманку. Темные дома, как надгробные плиты, висели над опустевшими улицами. Безжизненный, холодный, город превратился в громадное кладбище, братскую могилу, где нашли последнее пристанище миллионы людей. Некогда оживленные улицы теперь молчали. Лишь снежный туман, дрожащей дымкой уходил в глубину проспектов и опустевших тротуаров, скрывая от глаз замерзшие трупы и мусор. Брошенные автомобили в беспорядке стояли по обочинам улиц, покинутые своими хозяевами, они были наполовину завалены снегом.

Сергей уверенно вел машину. Дорога после танка давалась легко. А вот сидевшему за управлением «Арматы» Игорю приходилось не сладко. Ехать нужно было так, чтобы отталкивать и разворачивать преграждавшие путь машины. Иначе «Урал» встанет.

Однако и такой тяжелой технике, не везде удавалось пройти. Все знали, в городе есть такие места, где даже танк становился бесполезен. Туннели, мосты, узкие улочки в центре – превратились в непроходимые кладбища машин.

В Урале их ехало шестеро, не считая водителя. Вместительный кузов предназначался для наживы. В направляющем танке сидело трое – Игорь за управлением, два товарища на пушках в случае непредвиденной опасности. Такой нехитрой комбинацией они и путешествовали по улицам опустевшей Москвы. До рассвета оставалось пять часов. За это время нужно было доехать до пункта назначения, найти супермаркет, взять все необходимое и быстро свалить, пока не рассвело.

На очередной кочке Дэн подпрыгнул и прислушался. До слуха доносился шум двигателя и кое-что еще. Поначалу едва заметный, но по мере движения тревожный звук становился все отчетливее. Этого еще не хватало! Окончательно убедившись, что ему не показалось, командир ухватился за поручни и, придерживаясь, чтобы сохранить равновесие подобрался к кабине. Отодвинув заслонку, отделявшую их от водителя, Дэн довольно мрачно заметил:

– Серега, задний мост стучит, – ясно же, если встанут колеса, им конец. Выжитьходакам в заснеженной Москве да еще при свете дня не возможно. Это понимал и сам Серега, а потому ответил сквозь зубы:

– Слышу. – После чего чертыхнулся и в сердцах заметил, – вот клянусь, мы с ребятами наемдни весь мост перетрясли. Все работало как надо, шайба к шайбочке, а тут опять... – с нескрываемой досадой закончил он.

– Не хватало еще заглохнуть на середине пути, – подслушав разговор, заворчал Иван.

– Ты слышь, давай тут не каркай, – урезонил Рыжий. – Не хватало еще беды накликасть. Оно может и не связано, да вот недавно вторая команда весь вечер про визгунов байки травили, а в следующем рейде трое бойцов полегло, – сообщил Роман и не обращая внимание на скептический взгляд командира, – ты Иван, нечистую-то не искушай.

Данила успел подумать, что жизнь в лагере сделала из Рыжего довольно суеверного человека, но вслух ничего не сказал. Тем временем «Урал» вывернул на Ленинский проспект. Теперь уж по прямой. Но дергая за рукоятки управления, Игорь помнил, Гагаринский туннель, как и прочие, завален, а значит нужно заранее свернуть налево и попытаться выехать на улицу

Вавилова. Только вот как это сделать? Впереди паутина узких улиц, заваленных брошенными автомобилями. Он-то проедете, а вот Урал... Нет, не вариант. И потом машину надо беречь. Кто знает, как там дальше обернется. Вон один «Урал» списали на запчасти... а всего то движок клиннуло от удара.

Понимая, что дальше выбрать путь будет сложнее, Игорь свернул на улицу Стасовой и оттуда стал пробираться по второму Донскому проезду. Но и тут ждал сюрприз. Прямо посередине дороги стоял автобус. Заметив это, мужчина поднес к губам рацию.

– Серега, прием! – На другом конце ответили, – постараюсь столкнуть автобус, но лучше сверни на тротуар.

Сергей итак видел, что в отличие от дороги, тротуар относительно свободен. Приняв решение, он вывернул руль и переехал бордюры. В тот же миг из кузова послышались проклятия. Должно быть ребятам приходится не сладко на кочках. Но ничего не попишешь.

Вскоре удалось свернуть на короткий участок дороги, перетекающий в Вавилово. Можно чуть выдохнуть. Смахнув пот со лба и висков, Пух провел рукой по мокрой шее. Не смотря на минусовую температуру, с него градом катился пот. Жаль, нельзя снять противогаз и промокнуть лицо.

– 14.

Издали показался памятник Гагарину. Лунный свет заливал исполинскую фигуру, придавая ей почти зловещий вид. Вскинув руки навстречу небесам, великий космонавт должен был символизировать торжество человечества, покорившего Космос. Но сейчас, посреди пустынного темного города, этот жест скорее напоминал отчаяние. Человек с мольбой тянулся к небесам, прося спасения и защиты.

Ребята грустно смотрели на памятник. Некогда могущественная держава покорила космос, запасла немислимое количество оружия против себе же подобных и даже на орбите выставила пост, а пала от вируса. Шальной переглянулся с Дэном. Оба поняли друг друга без слов. Грустно.

– Дэн, а что с космонавтами стало? – Вторя всеобщему настроению, спросил Рыжий.

Командир сцепил руки и некоторое время смотрел вниз.

– В режиме жесткой экономии станция может продержаться полгода, – немного подумав, ответил он и добавил, – а потом ребята отправятся в вечное космическое путешествие по просторам Вселенной. Они ведь понимают, что еды и топлива им никто не доставит.

– Во мрак, – протянул Рыжий, явственно представив несчастных космонавтов, беспомощно застывших в невесомости МКС. – Каково это смотреть на голубой шарик и знать, что никогда сюда не вернешься?

– Зато умрут они как герои, а не как сочный завтрак, – верно заметил Никита и затянул ремни огнемёта потуже.

В отличие от команды, Данила размышлял о другом. Он, как никто другой, понимал всю безмерную пропасть упущенных возможностей человечества. Цивилизация проделала огромный путь от первых спутников, легендарного полета в Космос, до марсохода «Кьюриосити», теоретических разработок варп-двигателей... и исчезла. Некому больше разрабатывать и запускать новые шатлы. Покорение других планет, как и все прочие светлые мысли, о космических путешествиях, новых колониях, описанные известными фантастами, окончательно канули в Лету. Есть, спать, выживать. Вот и все, к чему теперь сводилось существование людей. Именно существование. Жизнью это не назовёшь. От безысходности хотелось выть, но вместо этого Данила Зорин лишь сильнее сжал дуло огнемёта.

Подъезжали.

Разговоры стихли. Лица ребят стали серьезнее. Каждый мысленно настраивался на скорую встречу с тварями. Сколько в рейды не ходи, а все одно, к этому невозможно привыкнуть.

– 15.

Обогнув площадь Гагарина, машины выключили фары и подъехали к главному входу в торговый центр. Все было тихо. Встав на скамейку, на которой только что сидел, Дэн выглянул в окошко. Оно было довольно узким и находилось прямо под потолком. Но этого оказалось достаточно, чтобы оценить обстановку. Ребята последовали его примеру. Белоснежное мерцание снега под очистившимся небом выглядело почти зловещим. На его фоне прямоугольный фасад здания казался серым и безликим. Главный вход с застывшей револьверной дверью находился в десяти метрах. На стеклянной стене справа висела потухшая неоновая вывеска «Ашан». Отлично, значит, они ехали не зря!

– На западе чисто, – послышался голос совсем рядом.

– Шальной, подсвети, – в ту же секунду по фасаду здания заскользили два световых луча. Метр за метром Дэн вместе с Димкой медленно прощупывал стеклянный фасад. Внешне все выглядело спокойно. Но они повидали достаточно, чтобы не обманываться на этот счет. – Возьми чуть выше, – проговорил Данила и два луча медленно поползли по стеклянным блокам вверх. За ними неотступно следовали зоркие глаза. Ребята старались проникнуть внутрь, заметить хоть единое движение. Но внутри царила темнота и спокойствие. Выдохнув, Дэн отключил фонарь и спрыгнул на пол.

Для команды это стало сигналом к боевой готовности. Все как один подхватили баллоны с огнесмесью и закинули за спину. Пара секунд, чтобы застегнуть вокруг торса ремни, еще секунда крепко сжать в руке ствол огнемёта и они готовы к новому бою.

Первым вышел Дэн. Осторожно спрыгнув в снег, мужчина не торопясь направился к ступеням.

Ребята последовали за ним и вскоре девять пар ботинок осторожно зашагали к стеклянным дверям. Игорь отвечал за исправность машин, а потому его оставили снаружи.

– 16.

Кроме солдат, на улице не было ни души. До слуха долетало лишь завывание ветра, да откуда-то сверху здания слышался монотонный скрип.словно холодный ветер трепал незакрытую дверь.

Ступени, ведущие к дверям, оказались сплошь покрыты льдом, а потому двигаться приходилось осторожно. Почувствовав под ногами лед, Дэн скривился от отвращения. Со льдом у него свои счеты. Оставив коварные ступени позади, мужчина кивнул Андрею, указав стволом на дверь. В ту же секунду солдат метнулся к дверям и осторожно дотронулся до ручек. Заперто. Настала очередь Шального. Вооруженный стамеской, он подцепил снизу и по бокам дверь, затем занялся замком. На все ушло минуты две. Вскоре замок щелкнул и дверь поддавалась. Отлично сработал! Путь свободен.

Вся команда тихонько вошла в огромный темный холл. Прорезав тьму, луч света мягко утонул в глубине торгового центра. Первыми шли Дэн и Андрей, слева Михей, справа Иван, Рыжий с Шальным в середине, замыкали колонну Артем и Никита. Впереди виднелись ленты эскалатора и лавочки, некогда поставленные для посетителей, но сейчас покрытые густым слоем инея. Вторя им, тускло посверкивали витрины, образуя центральный торговый коридор. Странно, стекла оставались целыми. В магазинах, где им пришлось уже побывать, на первых этажах все было разорено. А здесь нет. Складывалось такое ощущение, что люди просто ушли отсюда, надеясь уже завтра вернуться вновь. Луч фонаря выхватил из темноты указатель с планом-картой. Данила подал команде двигаться в сторону плана. Подойдя ближе, ребята быстро поняли, что цель рейда находится в самом дальнем конце здания.

Шальной указал рукой вперед. Нужно было пройти до конца прямо. Тем же построением они оставили позади неподвижные ленты эскалаторов. По пути они заметили указа-

тель на гипермаркет электроники, находящийся на втором этаже. Никита с досадой посмотрел на соседа. Перехватив взгляд товарища, Артем понимающе кивнул и пожал плечами. Что говорить, прогуляться по торговому центру были все не прочь. Да только вот командир это считал неоправданным риском.

– 17.

Вскоре команда добралась до пункта назначения. Пройдя мимо антикражных ворот, ребята оказались внутри.

В супермаркете царил мертвая тишина. До слуха не доносился ни единый звук. Но это никого не обманывало. В темноте зомби просто замирали. Они могли сидеть неподвижно часами, но едва стоило просочиться хоть капле света, как монстры тут же приходили в движение. Словно кто-то невидимый начинал дергать за ниточки, давая импульс их уродливым телам. Дэн по-прежнему шел немного впереди. Вдруг в проходе витрин мелькнула чья-то сгорбленная фигура! Одним молниеносным движением он вернул луч фонаря назад,.. но уже через секунду выдохнул. То оказалась перевернутая тележка.

Быстро обшарив фонариков витрины, ребята воодушевились. В этот раз им повезло, на полках еще оставались продукты. А то бывало приедешь в магазин, а он пуст, все вычистили еще во времена карантина. Быстро рассредоточившись, команда приступила к делу.

План действий был уже отлажен. Пока более старшие и опытные товарищи прикрывали проход, Рыжий, Никита, Артем и Иван набивали тележки продуктами.

По уже сложившейся традиции сначала завернули в бакалею, и как следует затарились крупами, лапшой, сахаром, солью и мукой. Не брезговали даже сухими завтраками. Но самыми ценными были консервы. Фасоль, рыба... что касается тушенки и мяса, как правило, их выгребали подчистую в первый же рейд. В лагере остро ощущался дефицит мяса. Свежего сейчас не достать, а консервов мало. Так что мясные консервы ценились превыше всего.

Частенько половина добытого до главного склада не доезжала. Консервы, выпивка и сигареты были главной валютой в лагере. У кого они были, тот и на коне, значит будут и лекарства, и одежда, и дрова. Коль скоро так, частенько солдаты припрятывали ценную добычу, чтобы потом обменять ее на другие товары. Наблюдая, с каким энтузиазмом ребята закидывают в тележку банки с тушенкой, Данила их не осуждал. Пожалуй, это было единственное исключение, на которое он смотрел сквозь пальцы. Знал, ребята обменяют их на коньяк. Но сам ничего подобного не делал. Отец-военный с детства внушал, что торгашество и спекулянтство ниже мужского достоинства.

Одна ходка длилась не больше десяти минут. За это время нужно было успеть дойти до конца магазина. Набить тележки до верха и спешить обратно к машине. А потому действовали быстро и слажено. Через восемь минут корзины были полны, и команда двинулась в сторону выхода.

– 18.

Из-за снега шесть доверху забитых тележек почти не ехали, пришлось толкать их вручную. Достигнув машин, парни быстро сгрузили продукты в «Урал» и уже спешили обратно.

Как правило, за рейд они совершали пять-шесть ходок. Шутка ли, прокормить больше тысячи человек! Продуктов, привезенных за один рейд, хватало на одну-две недели, после чего снаряжалась следующая команда. Плюс нужно было всегда держать запас еды на складах.

Во время второй ходки на одном из прилавков Никита заметил сгущенку. Мотнув головой в сторону голубых баночек, парень упрямо потащил тележку вперед. Ну, не мог он пройти мимо лакомства, обожаемого им с детства. Не остановил даже гневный взгляд командира. Промычав что-то в противогаз, парень молниеносно кинулся к прилавку, одним движением сгреб

десяток банок и стрелой метнулся обратно. Он знал, что Дэн это припомнит и утроит выволочку, но ради сгущенки стоило рискнуть.

Им повезло: вторая, третья, четвертая ходка прошли спокойно. Но на пятой случилось страшное.

В конце пятой ходки небо окончательно расчистилось. Из узких окон, расположенных под самым потолком, в магазин полился холодный свет, посеребрив морозь, сплошь покрывавшую все прилавки. Взглянув на окна, Никита встретился взглядом с Дэном. Стало ясно – пора убираться отсюда. Тут же из глубины торгового центра донеслись шуршащие звуки. Может ветер трепал мусор, а может и не ветер...

Как и прежде, внимательно сканируя взглядом пространство, они подошли к эскалатору, ведущему на второй этаж. Если верить схеме торгового центра, там располагался магазин теплой одежды. Можно было обойтись и без нее и с чистой совестью возвращаться в Кремль. Но уж больно просили жители лагеря раздобыть зимние вещи. Ранние холода застали врасплох. Ситуация осложнялась еще и тем, что Эбола уничтожил мир в конце лета, когда о зиме еще никто не думал. Магазины были полны легкой одеждой, а таких необходимых пуховиков, шарфов и курток нигде не было.

От напряжения и тяжелого веса баллонов немного ныли плечи, но Дэн старался не обращать на это внимание. Лицо покрылось мелкой испариной пота, к счастью устройство противозага не допускало запотевания, иначе ему пришлось бы туго. Ступая по неподвижному эскалатору, Дэн думал только об одном – хорошо если центр закрыли до того, как новый штамм мутировал. Тогда можно надеяться избежать «приятных» встреч.

Едва над головой показался срез пола второго этажа, Дэн замедлил ход. Он осторожно выглянул наружу и огляделся. Никого. Лишь разбросанный по полу мусор. Махнув ребятам, мужчина ускорил шаг, все время держа огнемёт наготове.

Команда неотступно двигалась за командиром. И хотя напряжение этой ночи уже давало о себе знать, никто бдительности не терял. Двигаясь по главной аллее вдоль ряда ювелирных бутиков, они старались не производить ни единого шороха. Вскоре между витрин показался просвет, ведущий на дублер. Свернув на второстепенный торговый ряд, команда вскоре оказалась прямо перед отделом верхней одежды. Здесь потолки были существенно ниже, как и витрины. Свет фонаря скользнул по манекенам, наряженным в пуховики. Отлично!

Прежде, чем зайти, Дэн просветил фонарем вглубь магазина, не так и не заметили ничего подозрительного. Судя по всему, магазин чист. Зайдя внутрь, они сразу распределились по периметру, заглянув за каждую вешалку, в каждую щель. Похоже, им действительно повезло!

Шальной по-хозяйски метнулся за прилавков с кассой и вытащил оттуда ворох огромных пакетов. Ребята принялись набивать пуховики в пакеты. Разглядывая объемные ноши, Дэн недовольно хмурился. С такими баулами они станут легкой мишенью для мертвяков. Наблюдая за парнями, внезапно Данила напрягся. Его резанула неприятная догадка. Еще раз окинув взглядом солдат, он понял, что не ошибся. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... один пропал! Черт, так и знал!

– 19.

– Где Андрей? – Приглушенно прорычал он.

Ребята растерянно переглянулись и все как один уставились на командира.

Значит самоволка, значит опять за свое. А ведь Дэн его предупредил!

Все услышали, как хрустнули костяшки пальцев. Командир сдерживался, но видит Бог, как он сейчас был зол. Бросить Андрея на произвол судьбы не позволяла совесть, а оставаться здесь и ждать его – запрещал рассудок и правила безопасности.

– Ждем две минуты и возвращаемся к машинам, – процедил он. – Не успеет, значит...

Он не договорил, все итак все поняли.

Две минуты тянулись мучительно долго, учащенное сердцебиение значительно опережало время, но делу это не помогало. Когда истекла вторая минута, Дэн подал знак уходить. Ни единый мускул не дернулся на его лице.

В тот момент, когда почти все уже готовы были двинуть к машинам, раздалось именно что его все так боялись... звонкий, как тысячи осколков звук разбитого стекла и сразу на нем визг. Мерзкий, пробирающий до костей визг.

– Твою мать! – Похолодевшими губами произнес Рыжий, немигающим взглядом уставившись в проем центральной аллеи, туда, откуда доносился звук. Но его слова тут же были заглушены новой волной ледящего кровь визга.

Дэн вскинул огнемёт. Несколько мгновений он гипнотизировал выход в черный холл. В его душе шла борьба похлеще той, что разыгралась в глубине торгового центра. Уйти, оставив ослушавшегося солдата, или прийти ему на помощь? Одна жизнь против девяти... одна жизнь, подставившая все девять. Но нет, он не мог так поступить.

– Пацаны, бросайте пакеты, – сквозь противогазную маску скомандовал он. – Идем спасать засранца.

Команда встретила решение одобрительно. Мгновенно освободив руки, ребята схватили огнемёты и бесшумно выбежали за командиром. Судя по доносящимся звукам, борьба шла в конце главной аллеи. Они все-таки проснулись! Шипение огнемёта, визг, чавканье, звук отдаляющихся шагов. Черт, куда он бежит? Двигаясь по дублеру, Дэн пытался предугадать действия товарища, но тщетно.

– Справа! – Крикнул Никита.

Со стороны туалетов к ним двигался мертвяк. За ним другие. Фонарь выхватывал из темноты лысые черепа со сгнившими ушами, ввалившимся носом. Вирус не церемонился, разгрызая своих жертв изнутри и снаружи. Их уродливые тени бесшумно скользили в темноте, норовя подобраться поближе. Нет, они вовсе не тупые. Хотя и умными их тоже не назовешь, иначе бы не шли напролом, а устроили засаду. Но вот настойчивости им не занимать. Сгорбленные уродливые фигуры с поджатыми руками продолжали надвигаться. Дэн направил луч света на стену, взяв первого визгуна на прицел. В ту же секунду существо ошетинилось и кинулось вперед. Шальной успел выхватить пистолет, одним выстрелом размозжив сгнивший череп. В тот же миг раздался громкий визг, остальные твари рванули на солдат. Повсюду замелькали их безумные налитые кровью глаза. В ту же секунду коридор заполнился жаром и чудовищным предсмертным визгом. Выстрел прокатившись по этажам, разбудил и других. Стремительно и неминуемо нежить двигалась со всех проходов, заполняя второй этаж. Заметив это, Данила чертыхнулся. При одном взгляде на их прокаженные лица, к горлу подступила тошнота. Если так пойдет дальше, живыми им отсюда не выбраться.

– **Андрей!** – Что было мочи, крикнул Дэн и повел команду в конец главной аллеи, подальше от кишачего холла.

– 20.

На центральном проходе у ювелирных бутиков виднелось несколько сожженных трупов. С противоположного конца зала слышался залиvistый гул пулеметных очередей. Ага, значит Андрей там. Команда рванула вперед. На горизонте замаячила знакомая вывеска. Судя по всему, борьба развернулась в гипермаркете электроники. Забежав в магазин, ребята оказались в огромном зале. Повсюду сотни ненужных плазм, пылесосов, планшетов, миксеров, покрытых сияющей изморозью. В глубине зала на белом, как айсберг, холодильнике стоял Андрей. Отбиваясь, он давил ботинками руки, тянущиеся к нему снизу, не забывая при этом палить из огнемёта. Судя по приличной толпе, его атаковали мертвяков тридцать. Особенно мерзко выглядел толстяк с отвисшей кожей. Каждый раз, как он подпрыгивал, пытаясь дотя-

нуться до жертвы складки его кожи шлепали друг об друга, от них отрывались куски сгнившей плоти и падали вниз. Разъярясь все сильнее, толстяк первым догадался раскачивать холодильник. Ситуация стремительно ухудшалась. Дальше медлить нельзя. Одним быстрым движением Данила направил в сторону Андрея луч фонаря. Наконец тот заметил подмогу и со всех ног помчался к ребятам, лихо перескакивая стиральные машинки и коробки с кофеварками.

Мертвяки оравой кинулись следом, норовя цапнуть жертву сзади. Как бы Андрей ни старался, твари не отставали. От их визга звенело в ушах и груди. Почти ультразвуковые импульсы проникали под кожу, а дальше в кровь, и вместе со страхом разносились по всему телу. Едва сдерживая дрожь, команда приняла огневую позицию, в любую секунду готовые отразить атаку.

Наконец-то Андрей добежал до команды. В нескольких местах защитный костюм порван, плечи тяжело вздымаются от бега. Данила успел полоснуть друга острым, как лезвие ножа взглядом, но говорить ничего не стал. Даст Бог, представиться еще возможность намылить ему шею.

Едва Андрей поравнялся, как ребята дали огонь, откинув назад первую линию зомби. Обугленные еще, дергающиеся группы упали к ногам. Но по ним лезли следующие.

– Осторожно, сзади! – прокричал Дэн. – Иван, Артем прикрываем тыл и отходим!

Они были повсюду, со всех этажей тянулись бывшие покупатели и продавцы, а ныне заживо гниющие твари. Даже врубив огнеметы на полную мощность, солдаты едва сдерживали поток визгунов. Стоило очистить первые ряды, но на смену поджаренным уже лезли новые. Окинув взглядом окружающее пространство, командир понял, надо что-то срочно придумать, иначе полягут все.

– В конце магазина должен быть аварийный выход, – задыхаясь от жара, прокричал Шальной. Заткнув за пояс защитного костюма карту, он перехватил с плеча пулемет. – Если прорваться вперед... вглубь магазина.

– Нет, – отрезал Дэн. Загонять команду в тупик, не зная наверняка есть ли там запасной выход, не самое разумное решение. Окинув взглядом пространство, он увидел, как влево уходит рукав и там, недалеко эскалатор. Приученный в полетах анализировать множество факторов и просчитывать сотни возможных комбинаций, Дэн принял решение мгновенно – бежим к эскалатору, прыгаем на первый этаж и валим отсюда!

– 21.

На улице ждал Игорь. На лице седая щетина в глазах вызов. Вот уже несколько минут он напряженно прислушивался к доносившимся из торгового центра крикам. Обе машины были готовы рвануть в сторону лагеря в любой момент. А между тем, тишину ночи, вновь и вновь резал леденящий кровь визг. Не в силах справиться с собой, водитель схватил огнемет и ринулся по ступням вверх. Вперед, **скорее**... Размазать гнилых мразей! Перед глазами стояли уродливые рожи визгунов. Раззявив, черные изъеденные язвами пасти, они так и норовили цапнуть. Представляя, как сжигает их огнем, Игорь скрежетал зубами, ярость так и кипела в груди. Схватившись за ручку дверей, он хотел было шагнуть в темный холл, но тут же отдернул руку. Нет, он не имеет права нарушить приказ. Оставлять технику без присмотра нельзя! Транспорт – единственный шанс добраться домой. И его обязанность, держать машины в полной боевой готовности.

Чертыхаясь и злясь, мужчина развернулся и сбежал по ступням обратно. Если кто-нибудь выберется из этого чертова месива живым, уж он довезет до лагеря, будь уверен! Еще раз заведя мотор и проверив газ у «Урала», он вскарабкался на танк и скользнул в люк. Встав на кресло, Игорь высунулся наполовину и занял выжидательную позицию. За витринами чудилось какое-то движение, но была ли это игра воображения или там на самом деле кто-то был, он не знал. Нервная рука то и дело хваталась за крышку люка, но вторая предусмотрительно останавливала.

– 22.

Продолжая палить, ребята добежали до эскалатора. Не теряя ни секунды, команда перемахнула через поручни и, минуя по три-четыре ступени, ребята стремглав скатились на первый этаж. Следом неотступно следовали твари. Их зловонное дыхание так и упиралось в спины ребят. Последние ступени Артем преодолел крайне неудачно, сильно подвернув ногу, и теперь заметно прихрамывал. Шедшие рядом Ванька и Шальной тут же поняли в чем дело, и подхватили товарища. Визгуны напирали, теснили, в холле становилось все жарче, и вскоре команду обступали со всех сторон. До выхода оставалось каких-то десять метров, но ребятам все никак не удавалось их преодолеть. Кольцо вокруг сужалось. Приходилось отвоевывать каждый шаг, каждый сантиметр, отделяющих их от дверей. Пятясь, прикрывая спины друг друга, они непрерывно работали огнеметами, но это не сильно помогало.

– Я подключаю второй баллон, – крикнул Сергей. Огнеметы работали на полную, а потому заряд заканчивался быстро. Мужчина ловко открутил стальной шланг. Вытащил соседний и вставил резьбой к брандспойту. Свежая струя огня ударила по монстрам.

– Пух убавь чуть струю, – полыхнувший с новой силой огнемет, ослепил Артема. Но не успел парень договорить, как почувствовал резкую боль в ноге. Одна недобитая тварь подползла слишком близко. Ослепленный огнем, Артем не сразу ее заметил. – Черт! – Закричал он в том момент, когда черная пасть впилась в его лодыжку. Стоявший тут же Никита, кинул быстрый взгляд вниз, после чего встретился глазами с товарищем. Оба понимали, что это значит.

Теперь укус заметил и стоявший рядом Шальной. На раздумье времени не было. Артем еще сопротивлялся, пытаясь отбиться второй ногой, но тварь не отпускала, вгрызаясь все сильнее. Парень полетел вниз. Одним молниеносным движением Шальной выхватил из ботинка нож. На секунду в воздухе сверкнуло стальное лезвие и быстро опустилось на горло зараженного.

– Прости, друг, – пробормотал Димка, уже вновь хватаясь за огнемет.

Глядя на алый поток, еще живой, еще горячий, хлынувший на желтую клеенчатую материю защитного костюма, Никита взревел, что было мочи. Этот дикий, первобытный крик, идущий из самых глубин его души слышался даже сквозь шипение огнеметов. – Дэн! Артема укусили.

Командиру хватило одного быстрого взгляда, чтобы осознать случившееся. С глухим рычанием он отвернулся и ударил с двойной силой.

– **Твари!** – Проклокотал мужчина и угостил мертвяков новой порцией огня. Перед глазами стояло резко побледневшее, застывшее в гримасе ужаса лицо Артема.

Почуввав запах крови, мертвяки вконец озверели и кинулись на несчастного, окончательно погребя парня под собой. Обезумевшие, они рвали его плоть в клочья. На несколько мгновений кольцо вокруг команды чуть ослабло, мертвяки полностью переключились на жертву. Второго шанса не будет. Воспользовавшись затишьем, солдаты рванули к машинам. В спину им летели истеричные вопли тварей и смачное утробное чавканье.

Артем мертв. Все пошло по очень-очень плохому сценарию. Но для сантиментов сейчас не время, нужно спешить к машинам.

– 23.

Но вот в глубине первого этажа вспыхнуло пламя. Заметив это, Игорь мгновенно выпрямился и вцепился в металлический обод люка. Нервы натянуты до предела, как стальное дуло Арматы. Огонь все приближался, вот из стеклянных дверей повалили дым, через секунду на крыльцо выскочил первый солдат, кажется Иван, затем высыпала вся команда. Едва последний оказался на крыльце, как Шальной и Дэн застопорили двери, дожидаясь, когда остальные

окажутся внутри машин. Задыхаясь от напряжения, они упирались руками в стекло, но нежить напирала все сильнее.

– Готово! – зычно крикнул Сергей и вжал педаль газа в пол, направляя «Урал» к дороге.

По невидимой команде оба отпрыгнули от дверей и через секунду уже заскочили на бронированный корпус «Арматы». Медлить нельзя, вниз по ступеням уже неслись полчища новых горожан. Едва они успели захлопнуть люки, как первые твари уже карабкались на танк. В зеркале заднего вида Пух видел, как темно-зеленый корпус мгновенно облепила гниющая нежить. Но Игорь не подвел, с ожесточённым хрустом крутился на подъездной площадке, давя гусеницами монстров и теме самым отвлекая внимание на себя. «Урал» был боле уязвимым, а потому ему всегда давали фору в минут пять-десять. Засмотревшись на танк, Сергей не заметил выскокившего на дорогу мертвяка. От громкого удара мужчина вздрогнул. Мерзкая морда сумела прыгнуть и зацепиться за дворники. Она скребла зубами по лобовому стеклу, шкрябала пальцами, и оставляя кровавые следы, и без конца верещала.

Не долго думая, Пух включил дворники, и крикнув «Парни держись!» резко вывернул вправо, скинув тварь на снег.

– 24.

Все это время лагерь тоже ждал. Солдаты, несшие караул на стенах, внимательно всматривались вдаль. Санитары стояли у ворот. Время близилось к утру и не в силах усидеть в комнате, Кристина тоже вышла к Никольской башне.

Но вот со стен послышалось – Едут!

Через несколько минут, наполненных молчаливым напряжением, за воротами послышался шум. Встрепенувшись, девушка кинулась под брезент. Внутри царил полумрак и потребовалось несколько секунд, прежде чем она смогла рассмотреть двух санитаров, буквально повисших на железном затворе.

– Куда!? Тебе сюда нельзя! Вот дурная! – Закричал один из санитаров. Слишком велик риск заражения. А потому обнаружив под навесом девушку без защитного костюма, парень бескомпромиссно посоветовал ей убираться прочь. В эту секунду он и еще один санитар, сцепив зубы, продолжали тянуть металлический затвор вниз. Воздух наполнился громким скрипом, столь чудовищным, что по сравнению с ним пенопласт по стеклу, казался мяуканьем котенка. Однако, замок не поддавался. Кинувшись к гигантским дверям, девушка с силой налегла на стальной винт. Втроем, что было мочи, они старались хоть на миллиметр сдвинуть старый механизм. Вскоре все прочие звуки перебил шум двигателя. «Урал» подъехал и теперь стоял всего в каких-то паре метров. Наконец-то замок поддался! Медленно, изрыгая все тот же невыносимый скрип, затвор медленно поехал вниз.

– Уходи быстрее! Здесь опасно. – Вновь кричал парень, буквально выталкивая Кристину к выходу. Он достаточно повидал на своем посту, чтобы выпроводить ее раньше, чем машины заедут под навес. Из рейдов машины возвращались буквально облепленные останками тварей. Еще не хватало, чтобы девушка заразилась. – Только сполосни подошвы ботинок!

Кристина послушно опустила поочередно ноги в жигу фенола, болтающуюся в тазу, после чего кинулась к прорези, заменявшей выход. Перед тем, как покинуть навес она все же успела на миг обернуться, заметив, как в распахнувшиеся ворота въехал «Урал». Но «Арматы» за грузовиком не было...

– 25.

Тусклый рассвет осветил стекла близлежащих зданий. Караульные на башнях почуввав неладное, напряженно следили за тем, что происходило у Никольской. Все знали, из двух машин вернулась только одна. Приставив к глазам бинокль, командир третьей команды напряженно вглядывался вдаль. Но тщетно.

– Немец, ну что там? – На секунду из-под брезента показалось горбоносое лицо санитара.
– Пока тихо, – откликнулся мужчина, сканируя взглядом заснеженные дороги. – Что ребята говорят?

– Пока моются. – Послышалось в ответ. И горбоносый вновь скрылся за брезентом

Это значило, команда проходит санобработку, антисептическим раствором. Раствор подавался из большой бочки, куда предварительно заливали смесь из фенола, хлорки и других зубодробительных компонентов. Встроенный поршень подавал раствор через трубку, приваренную к самому низу бочки. По доносящимся звукам стало ясно, санитар переключился с кузова на колеса, это значит, что скоро солдаты смогут покинуть машину. Вот открылись двери, послышался приглушенный шум прыжков и едва слышимое шипение. Это защитные костюмы обрабатывали реагентами. Только после этого можно было освободиться от спец-одежды и покинуть навес.

Как и остальные Немец свесился с красной стены, разглядывая вернувшихся. Первым вышел водитель Серега, далее показался Ромка, Иван, Никита, Андрей и Михей замыкали колонну. Немец знал каждого из пятой команды и про себя отметил, что четверых, включая командира, не было. Размышляя, что могло произойти в дороге, он задумчиво обвел глазами двор.

Вдруг его внимание привлекла стройная девичья фигурка, метнувшаяся к ребятам. Но в повисшем тягостном молчании, девушка так и не решилась подойти близко. Поняв кто это, Немец невольно задержал взгляд. Что-то внутри его шевельнулось и заняло.

– Эй парни, – крикнул он. – А где Дэн и остальные?

– Ехали за нами, – отозвался Михей. – На Вавилово отстали.

В ту же секунду сжимая бинокль в руках, Немец метнулся к Боровицкой башне. Дело ясное, что-то в рейде пятой команды пошло не так. Припав к окулярам, Немец мониторил обстановку.

В рейдах действовало 3 главных правила:

Первое. Зараженного надлежало немедленно уничтожить.

Второе. Всем солдатам нужно держаться вместе.

Третье. Брать только необходимое.

О том, что зараженный – смертельная опасность для команды, говорить было лишним. Все итак это знали, а потому укушенный подлежал немедленному уничтожению. Любое промедление – равносильно смерти. И солдаты успели в этом убедиться. В один из первых рейдов мертвяк цапнул паренька, пока командир сообразил, что к чему, тот успел заразить еще двоих. Пришлось сразу уложить троих. Также на собственной шкуре Немец узнал, что в одиночку продолжительность жизни солдата составляла от двух до пяти минут. Из того смертельного рейда их вернулось четверо, а шестеро полегло. Невосполнимые потери, учитывая, что на счету была каждая жизнь.

Все три правила Немец всегда держал в уме и тщательно планировал каждый рейд. Нередко он обращался за помощью к Дэну. Тот всегда был рад помочь с картами и подсказать как лучше зайти в здание. И сейчас, напряженно высматривая «Армату», Немец недоумевал, что могло пойти не так. Казалось, у такого командира, как Дэн, все под контролем.

– 26.

К этому времени подоспевшие солдаты, обступили ребят со всех сторон. Вопросы так и сыпались, и только Кристина не могла вымолвить ни слова, лишь жадно слушала. Сердце все плотнее сжимали ледяные щупальца страха. В тоне, каким солдаты отвечал на вопросы, ей отчетливо слышались замешательство и фальшь. Ребята что-то недоговаривали. Это явно читалось на угрюмых лицах, напряжении, с каким ребята поджигали сигареты, но главное – их взгляды. Испуганные, встревоженные, они перебежали с лица на лицо, но встретиться друг

с другом как будто не решались. Как бы ей не хотелось, выяснить правду, сейчас как все прочим, ей оставалось лишь ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.